

Эдуард Гайдай

Пьесы

Для детей и подростков

Эдуард Гайдай

Пьесы. Для детей и подростков

«Издательские решения»

Гайдай Э.

Пьесы. Для детей и подростков / Э. Гайдай — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851339-8

В данном сборнике представлены пьесы, созданные на основе известных литературных и народных сюжетов. Второе издание. На обложке рисунок Александра Алексева

ISBN 978-5-44-851339-8

© Гайдай Э.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Алые паруса	8
Первый акт	10
Сцена 1. В трактире Меннерса	10
Сцена 2. Рассказ Циммера	12
Сцена 3. Ассоль и её отец Лонгрен	14
Сцена 4. Ассоль и старушка	16
Сцена 5. На корабле Грея	17
Второй акт	21
Сцена 6. Рассвет	21
Сцена 7. Снова в трактире	23
Сцена 8. Приготовления	25
Сцена 9. Филипп спасет Ассоль	27
Сцена 10. Алый «Секрет»	30
Тексты песен	33
Гробовщик	40
Похороны отставного бригадира	41
Дома	42
Приглашение на серебряную свадьбу	44
У купчихи Трюхиной	46
На серебряной свадьбе у Шульца	48
Похороны купчихи Трюхиной	52
Мертвецы	54
Финал	56
Стальная орхидея	58
1. «Кинопробы» ²	60
2. Руди	61
3. Штернберг, начало. («Голубой Ангел»)	63
4. Голливудский контракт	65
5. Съёмки «Марокко» (любовь к Штернбергу)	67
6. Суперзвезда	69
7. Ремарк	70
8. Разрыв со Штернбергом	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Пьесы Для детей и подростков

Эдуард Гайдай

© Эдуард Гайдай, 2019

ISBN 978-5-4485-1339-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Вступительное слово или приветствие от автора принято начинать с обращения «дорогой читатель», либо «уважаемый читатель», что вполне естественно.

Однако мне кажется, что слово «читатель» в данном случае не совсем уместно. По моему убеждению, пьесы (а также инсценировки, сценарии, экспликации) – это специфическая, в некотором смысле даже техническая литература для специалистов, которые на основе этих текстов могут создавать уже окончательные произведения. Между чертежами самолёта и непосредственно самолётом визуальная разница довольно велика, хотя профессионал по чертежам, наверное, сможет представить себе, как будет выглядеть готовый лайнер.

В последнее время в литературе появились так называемые пьесы для чтения. Как новая форма литературы, это, наверное, интересно – даёт возможность читателю что-то домыслить, дофантазировать. Возможно, такие пьесы и пишут как-то иначе – специально для читателей. Но в настоящем сборнике представлены тексты именно для театральных постановок, с учётом современной структуры театра, где не требуется объяснять, какого цвета стол, где он стоит, и откуда кто выходит, поскольку всё равно это будут решать художники и режиссёры. И вполне может быть, что в результате и стола никакого не будет, и ходить никто никуда не станет, но идея, суть и впечатление от истории будут переданы точно и увлекательно.

Исходя из всего вышесказанного, я, конечно, буду рад, если кто-то просто захочет почитать эту книгу, но в первую очередь обращаюсь к постановщикам, актёрам, художникам и прочим специалистам, занимающимся постановками спектаклей.

В последнее время теоретики говорят о том, что очень мало рождается новых произведений для детей. Правильно говорят! Почему это происходит? Я знаю несколько причин, и главная из них – отсутствие спроса. Нет, в принципе, никто не против новых хороших произведений. Пусть они будут где-то (чаще всего «в столах» у авторов), но читать или показывать (то есть, покупать) детям мы предпочитаем то, что нам знакомо. Так надёжнее и привычнее.

В этой книге собраны пьесы, в основном, для детей и подростков. Большинство из них с успехом «проверены» на сценических площадках разных театров. И это было возможно только потому, что почти все эти пьесы написаны по мотивам известных произведений. А пьеса «Братец Кролик на Диком Западе» – вообще особый случай: я написал историю про ковбоев и жуликов (в основном, под впечатлением рассказов О. Генри), но для того, чтобы на неё обратили внимание, позже просто поменял имена всех персонажей – дал им клички «Братец Лис», «Братец Кролик» и т. д. То есть, сделал вид, будто это написано по мотивам известного произведения. Также я изменил одну сцену, вписав туда колодец, чтобы это хоть как-то отдалённо перекликалось с настоящим «Братцем Кроликом». Эксперимент прошёл удачно – пьесу тут же поставили в театре! (Потом было забавно читать в рецензиях рассуждения по поводу того, что «авторы» слишком далеко отошли от «первоисточника», хотя спектакль вышел неплохой.)

Все остальные детские пьесы, представленные здесь, написаны действительно по мотивам известных сказок, и часть специалистов назовёт их инсценировками. Называйте, как хотите – ваше право.¹

Те, кто занимается практикой, а не теорией, прекрасно знают, что новых героев и новые истории часто сочинять легче, чем «обрабатывать» старые, но увы – билеты на спектакли для детей покупают родители, которые «знают», на что надо идти... Да и сами взрослые, кстати, сегодня больше предпочитают «раскрученные бренды», чем что-то неизвестное. Правда,

¹ Из воспоминаний Натальи Сац: «Предложение сделать пьесу „Золотой ключик“ Толстой встретил приветливо. И все же писатель обещал пьесу – именно пьесу, а не инсценировку, ибо – „инсценировок терпеть не могу. Пьесу надо строить заново, даже если в ней будут действовать те же лица“, – заявил Толстой.»

в большинстве случаев они так или иначе будут обмануты постановщиками, поскольку просто «повторять кино» на сцене никому не нужно и не интересно (учитывая, что режиссёрами чаще становятся люди с творческими наклонностями, а не с коммерческими). Иначе как донести до зрителя что-то новое, если он упорно предпочитает «знакомое»? Приходится под видом очередного «Гамлета» рассказывать о чём-то своём, наболевшем.

При этом критики всё ждут новые сюжеты и новых героев... А кто-то, кстати, уже и не ждёт. Кому-то удобнее сравнивать между собой разных Гамлетов или Колобков, чем искать, на что похоже «Новое-Неизвестное». Потому что им непременно надо это находить (на что похоже новое), иначе вся театроведческая наука коту под хвост – ведь не бывает, чтобы ни на что было не похоже!.. И тут они в определённом смысле правы. Открою секрет: новую музыку сочинить может любой, даже совершенно глухой. Проблема лишь в том, чтобы эту музыку кто-то захотел, или хотя бы смог, слушать... Отсюда и возникает необходимость, чтобы музыка соответствовала определённым условиям, параметрам, благодаря которым люди смогут её воспринимать. Условия и параметры уже сами по-себе и есть «похожесть на что-то». Эти параметры восприятия заложены в людях веками, и не зависят от того, в какой «костюм» облачится произведение – джаз, рок, плач Ярославны или марсианские напевы. При этом и сам «костюм» (то есть стиль, жанр и т.д.) также не что иное, как «похожесть на что-то». То есть, по большому счёту, создание нового, которое может быть воспринято людьми – это поиск новых видоизменений в знакомом, поиск новых форм старого содержимого, либо облачение нового в знакомые формы.

В результате выходит, что нет большой разницы между свежим современным взглядом на старый сюжет и новыми сюжетами, чем-то напоминающими старые. В любом случае есть и пространство для творчества, и свои ограничения. И уж если большинство зрителей предпочитают первый вариант, то почему бы им его не предложить?

У тех, кто держит в руках эту книгу, есть возможность ознакомиться с некоторыми известными историями, написанными, как говорится, на новый лад (а также переведёнными с книжных страниц на сцену). И я этому очень рад!

Желаю Вам приятного ознакомления!

С уважением, Эдуард Гайдай

Алые паруса Мюзикл по мотивам феерии А. Грина.

Ассоль – Майя Вейос, Циммер – Дмитрий Ладыгин. Театр «Балтийский дом», режиссёр – Р. Банионис, художник – С. Боцулло.

Пьеса в двух актах

* *Тексты песен собраны отдельно в конце пьесы**

Действующие лица:

1. Ассоль – взрослая.
 2. Ассоль – девочка.
 3. Грей.
 4. Лонгрен – отец Ассоль, бывший матрос.
 5. Циммер – виолончелист, он же «добрый волшебник».
 6. Меннерс – хозяин трактира (сын утонувшего Меннерса), он же Меннерс старший (отец).
 7. Угольщик Филипп – вечно пьян.
 8. Летика – матрос «Секрета».
 9. Пантен – боцман «Секрета».
 10. Юнга.
 11. Продавец тканей в Лиссе, он же один из посетителей трактира (возможно, 2й).
 12. Матрос.
 13. Рыбак (1й посетитель трактира).
 14. Мери – мать Ассоль.
- Жители города без слов.

Описание действующих лиц.

1. Ассоль взрослая. Трудно что-то советовать конкретно, поскольку она является практически идеалом. Внутри – милая, добрая, честная, чистая душой. Снаружи симпатичная молодая девушка. Будет петь и танцевать (как минимум, должна хорошо двигаться). Роль активная в смысле физических нагрузок. Быстрые переключения в разные состояния.

2. Маленькая Ассоль. 10 – 15 лет. Сообразительная девочка. Слов достаточно много для актрисы такого возраста. Но роль не сложная.

3. Циммер – бродячий музыкант-виолончелист. 50—60 лет. Он же «добрый волшебник» в сцене с маленькой Ассоль. Воспринимается как некий ангел-хранитель или добрый гений Ассоль на протяжении всей истории. Проходит через весь спектакль, хотя не всегда на сцене. Физически не очень сложно. Танцевать не требуется. Нужен хороший опытный немолодой актёр, который справится с большими монологами и сможет держать внимание зрителя без лишних телодвижений.

4. Грей – молодой капитан. Тоже из серии идеальных – мужественных и красивых.

5. Лонгрэн – отец Ассоль, бывший матрос. Возраст примерно такой же, как у Циммера. Немного поющий (задушевно).

6. Меннерс – хозяин трактира (сын утонувшего Меннерса). Среднего возраста. Внешне немного напоминает молодого Гитлера. Основные состояния – то испуганный, то активный, самоуверенный. Он же играет отца – такой же, но седой, по поведению более вальяжный.

7. Угольщик Филипп – вечно пьян. Дитина больших размеров. Возраст непонятен из-за постоянного употребления алкоголя. Но актёр должен быть достаточно пластичный – ему предстоит сыграть драку в кабаке.

8. Летика – матрос «Секрета». Аджутант Грея, его ближайший соратник и помощник. Возраст такой же, как у Грея. Бойкий, громкий, неугомонный.

9. Пантен – боцман «Секрета». Немолодой, коренастый, умудрённый опытом.

10. Юнга. — мальчишка не старше 17 лет.

11. 1й посетитель трактира – Классический представитель провинциального рыбацкого посёлка. Довольно развёрнутая (комическая) роль в начале спектакля. Также ему предстоит драка в трактире. Напоминает пьяного Д'Артаньяна.

12. 2й посетитель трактира, он же Продавец тканей – этот почти такой же, но по поведению больше похож на Атоса (внешне может быть и Портосом).

13. Мери, мать Ассоль. (лет 30—40)

14. Матрос «Секрета».

Жители города, матросы «Секрета».

Первый акт

Сцена 1. В трактире Меннерса

Кто сказал, что в море
Солёная вода?
Только тот, кто рому, кто рому не попил.
Кто сказал, что горе
На море и беда?
Только тот, кто в море, кто в море не ходил!..

(см. тексты песен)

В трактире у Меннерса. Барная стойка, несколько столиков. Посетители с металлическими кружками. За центральным столиком двое (далее это 1й и 2й посетитель). За отдельным столиком сидит угольщик Филипп. Перед ним несколько кружек. За другими столиками ещё два-три человека без слов.

В углу сидит старик Циммер. У него единственного на столике чашка с блюдцем, рядом стоит виолончель. Он и Меннерс – единственные трезвые в этой компании.

Меннерс стоит за стойкой.

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. ...И представьте себе – подтянул её я к борту, а дальше никак! В сачок-то не помещается! Да какой тут, к дьяволу, сачок! Пожалуй, и в лодке бы места не хватило...

2Й ПОСЕТИТЕЛЬ. А ты бы лучше глаза промыл – помогает иногда. Глядишь, и рыбка бы поменьше стала!

Здесь и далее все присутствующие, кроме Циммера, громко смеются после каждой реплики.

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Да я трезвый был! Как сейчас! Клянусь... Абсолютно!.. Меннерс, рому!

2Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Давай, Меннерс! Давай ещё – видишь, человек совсем трезвый сидит!

МЕННЕРС. В долг не даём. Где твоя сказочная рыба? Неси, тогда посмотрим!

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Убью!

2Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Ладно, тихо, тихо!.. Наливай, Меннерс, я плачу.

Меннерс наливает. «Весёлая передача» для окружающих закончилась, смех прекратился, далее каждый занимается своим делом.

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. А что это твой музыкант не играет?

МЕННЕРС. Это не мой музыкант. Из города, видать, пришёл.

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. То-то я смотрю – не из наших, вроде. Филипп, ты его знаешь? Говорят, он из города.

2Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Угомонись! А ты, старик, и в правду, сыграл бы. Что это за инструмент у тебя такой огромный?

ЦИММЕР. Виолончель. Я вообще-то отдыхать зашёл, а не работать.

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Ты смотри! Большая эта вели-чель. Во! Точь-в-точь, как та моя рыба! Абсолютно!

ФИЛИПП. Меннерс, угости музыканта. Как вас зовут?

ЦИММЕР. Циммер. Нет-нет, спасибо, мне только чаю.

ФИЛИПП. А я Филипп. Уголь вожу из города. Так что, могу подвезти, когда возвращаться будете.

ЦИММЕР. Спасибо.

ФИЛИПП. Сыграйте, а? Уж очень интересно посмотреть, как на такой штуковине играют.

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Да-а! Сто лет я уже не слышал эту, вели... вело... нчель. О! А давайте лучше споём! Эх, после пи-и-ва волна игри-и-ва в корму-у кача-ает и в...

Входит Ассоль. У неё в руках корзинка с моделями кораблей. Все резко смолкают, уставившись на неё. Ассоль оглядывается, словно она здесь впервые, но не замечает виолончелиста. Находит угольщика, подходит к нему.

АССОЛЬ. Добрый вечер.

МЕННЕРС. Ах, какие гости к нам пожаловали! Вы только посмотрите!

АССОЛЬ. Я не к Вам. Филипп, мне не удалось сегодня ничего продать.

ФИЛИПП. Зря ты сюда пришла, Ассоль. Иди домой.

АССОЛЬ. Но ты меня утром отвозил в город, а мне теперь совершенно нечем тебя отблагодарить.

ФИЛИПП. Не болтай глупостей. Я тебя просто так подвёз. Иди. Нечего тебе тут делать.

АССОЛЬ. Спасибо.

МЕННЕРС. Ай-яй-яй! Кажется, ваш бизнес пошатнулся? Неужели глупые горожане больше не хотят покупать ваши бесполезные игрушки? Может быть, они поумнели?

ФИЛИПП. Помолчи, Меннерс. Ассоль, уйди отсюда.

МЕННЕРС. Постой! Покажи свои кораблики, Ассоль, не стесняйся! Может, я что-нибудь куплю на память? Господа! У кого вельбот протекает, подходи-покупай! Тут есть целый фрегат для мухи или паука! Очень-очень нужная вещь! Не хотите фрегат – берите галиот! В него поместится как раз три таракана, господа! Я не шучу, он просто огромен! Надеюсь, Ассоль, вы с папашей не забыли навесить на него алые паруса?..

Филипп ударяет кулаком по столу. Меннерс мгновенно смолкает.

МЕННЕРС. Увы. Здесь тоже никто не покупает ваш товар. Придётся снова голодать. Сочувствую.

Уходит к себе за стойку.

ФИЛИПП. Мне от тебя ничего не нужно, Ассоль. Иди домой, я сказал! Отец ждёт, наверное.

АССОЛЬ. Хорошо. Спасибо, Филипп. До свидания.

Уходит.

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. А что, правду говорят, что она того, полоумная?

МЕННЕРС. Также как и её папаша Лонгрэн. Семейка чокнутых.

ФИЛИПП (*напевает*). Корзинщик, корзинщик, Дери с нас за корзины...

МЕННЕРС. Ей в детстве колдун привиделся, который обещал, что за нею принц приплывёт на корабле под алыми парусами!

ФИЛИПП (*всё громче*). Но только бойся попадать в наши Палестины...

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Да я слышал! И что ж она? Всё ещё ждёт принца, дуручка?

2Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Как видишь. За тебя пока не вышла, дурачок!

Снова всеобщий смех.

ФИЛИПП. Эй, ты, паук, подай-ка ещё рому!

Тишина.

Не слышишь, что ли? Рому давай, говорю!

Пауза. Филипп встаёт, подходит пошатываясь к стойке, за которой не шевелясь стоит Меннерс. Все внимательно следят за происходящим.

ФИЛИПП. Не бойся, т-таракан, я заплачу тебе... за всё!

МЕННЕРС. А рома больше нет.

Все угрожающе вскакивают со своих мест.

ВСЕ. Что?!!!

МЕННЕРС. Я пошутил, братцы, пошутил. Будет вам ром!.. Но только, когда этот угольщик отсюда уйдёт.

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Угольщик? Уходи, угольщик, я пить хочу!

ФИЛИПП. Сам уходи! Меннерс, тебе говорят – налей мне ро...

1й Посетитель пытается стулом ударить Филиппа по голове, но промахивается. Завязывается всеобщая драка. Фоном звучит бодрая музыка.

Сцена 2. Рассказ Циммера

Драка в трактире продолжается. Циммер неторопясь допивает чай. Достает из чехла виолончель. Выходит с нею на передний план (возможно, забирается с нею на стол). Проводит смычком. Музыка драки обрывается, слышен только звук виолончели. Все от удивления замораются и оглядываются на Циммера. Когда всеобщее внимание привлечено, Циммер перестаёт играть и начинает рассказывать.

ЦИММЕР. Всё было совсем не так, господа. Успокойтесь. Я расскажу вам правду.

Однажды летом, когда Ассоль было около девяти лет отроду, она шла в город, чтобы продать лавочнику игрушечные корабли, которые мастерит её отец. До города тут недалеко, но дорога, как вы знаете, идёт через лес...

1Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Знаю, знаю! Там она встретила волка, а в корзинке был пирожок... Ха-ха-ха...

2Й ПОСЕТИТЕЛЬ. Помолчи, приятель!

ЦИММЕР. Когда Ассоль дошла до ручья, она присела у мостика, чтобы немного отдохнуть, и принялась рассматривать корабли в своей корзинке. Там было несколько прекрасных моделей, но среди них одна оказалась совершенно необычной! Это была миниатюрная яхта с парусами из алого шёлка. Вы только представьте себе – белая яхта с алыми парусами! Она привела в восхищение маленькую Ассоль! Пламенный весёлый цвет горел так ярко в её руке, словно она держала огонь...

Циммер играет на виолончели. Посетители трактира замерли в оцепенении. Все смотрят назад, в глубину сцены, где им «видятся» описываемые рассказчиком события.

Маленькая Ассоль с яхтой в руках.

МАЛЕНЬКАЯ АССОЛЬ. Если я опущу её в ручей поплавать немного, она не промокнет. А потом я её вытру.

Опускает кораблик в «ручей». Разговаривает с яхтой за себя и за воображаемого капитана.

Ты откуда приехал, капитан?

Я приехал... я приехал из Китая.

А что ты привёз?

Что привёз, о том не скажу.

Ах, ты так, капитан! Тогда я посажу тебя обратно в корзину.

Сквозь звуки виолончели раздаётся порыв ветра. Ассоль вскрикивает, протягивает руки к яхте, но не может её достать. Кораблик быстро плывёт через сцену. Ассоль хватается за корзину и пускается в догонку.

МАЛЕНЬКАЯ АССОЛЬ. Стой! Стой! Ах, господи! Ведь случилось же...

Вслед за яхтой Ассоль исчезает за кулисами.

Виолончель остаётся стоять там же, где и была, словно на ней кто-то продолжает играть. Её мелодия продолжается. Циммер, рассказывая дальше, отходит в сторону по авансцене, садится на большой камень. В процессе рассказа у него в руках появляется яхта с альми парусами.

ЦИММЕР. Здесь было устье ручья. Разлившись нешироко и мелко, он пропал во встречной морской волне. Ещё издали Ассоль увидела незнакомца, который сидел на берегу и рассматривал её яхту.

Появляется Ассоль с корзинкой. Несколько секунд молча смотрит на Циммера, который её «не замечает».

МАЛЕНЬКАЯ АССОЛЬ. Ты уже поиграл. Теперь отдай мне. Ты как поймал её?

Циммер от неожиданности чуть не роняет яхту.

ЦИММЕР. Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, это что-то особенное! Послушай, это твоя штука?

МАЛЕНЬКАЯ АССОЛЬ. Да, я за ней бежала по всему ручью. Она была тут?

ЦИММЕР. У самых ног моих! Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом. Как тебя зовут, крошка?

Отдаёт ей яхту.

МАЛЕНЬКАЯ АССОЛЬ. Ассоль.

ЦИММЕР. Хорошо... Хорошо, что оно так странно, так однотонно и музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины. Твоё имя не нарушило очарования. Эта удивительная яхта здесь, на берегу моря, потом ты... Что у тебя в корзинке?

МАЛЕНЬКАЯ АССОЛЬ. Лодочки. Потом пароход, да ещё три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

ЦИММЕР. Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала. Ведь так?

МАЛЕНЬКАЯ АССОЛЬ. Ты разве видел? Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

ЦИММЕР. Я это знал.

МАЛЕНЬКАЯ АССОЛЬ. А как же?

ЦИММЕР. Потому что я – самый главный волшебник.

Ассоль смущается. Испуганно отступает.

ЦИММЕР. Тебе нечего бояться меня. Напротив, я хочу поговорить с тобой по душам. Слушай меня внимательно, Ассоль. Я был в той деревне, откуда ты, должно быть, идёшь. Я люблю сказки и песни, но у вас не рассказывают сказок и не поют песен. А если и поют, то, знаешь, эти истории о хитрых мужиках да рыбаках, эти грубые коротенькие четверостишья с ужасным мотивом... Стой, я сбился. Погоди...

Не знаю, сколько пройдёт лет, только в твоей деревне расцветёт одна сказка. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнёт алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль. На берегу соберётся много народу, удивляясь и ахая. И ты будешь стоять там. Корабль подойдёт величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки. «Зачем вы приехали? Кого вы ищите?» – спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь красивого храброго принца. Он будет стоять и протягивать к тебе руки. «Здравствуй Ассоль! – скажет он. – далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне. Я приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. У тебя там будет всё, что ты только пожелаешь. Жить мы станем с тобой так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слёз и печали». И ты, Ассоль, уедешь с принцем в блистательную страну, где восходит солнце, и где звёзды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

МАЛЕНЬКАЯ АССОЛЬ (*негромко*). Это всё мне?

Может быть, он уже пришёл... тот корабль?

ЦИММЕР. Не так скоро. Сначала ты вырастешь. Потом... что говорить? Это БУДЕТ, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

МАЛЕНЬКАЯ АССОЛЬ. Я?.. Я бы его любила... если он не дерётся.

ЦИММЕР. Нет, не будет драться, не будет. Я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь того, что я тебе сказал. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове!

Девочка уходит. Циммер возвращается к виолончели.

ЦИММЕР. Девочка стремглав побежала домой, забыв от счастья, что ей надо было идти в город. Она рассказала отцу, о волшебнике и об алых парусах.

Возможно, кто-то из соседей услышал, а, может быть, это был случайный прохожий...

Раздаётся низкий резкий звук оборвавшейся басовой струны. Активная угрожающая роковая музыка. В луче света Меннерс. Он в ярости.

МЕННЕРС. Ложь! Это всё ложь! Не слушайте его! Она сумасшедшая!

По сцене проходит взрослая Ассоль с корзинкой. Уже нет столиков, нет трактира. Вокруг Ассоль в диком танце снуют мужики и бабы, не давая ей пройти. Толкают её друг другу с диким хохотом.

МЕННЕРС. Не будет ей никакого принца! Не будет никакого корабля! Не будет алых парусов! Не будет! Не будет! Ни-ког-да!!!

Танец-насмешка продолжается.

МЕННЕРС. Ненавижу эту семейку! Ненавижу эту Ассоль и её папашу Лонгрена! Этот грязный мерзавец утопил моего отца! Вы слышали? Он утопил моего отца, как котёнка! И я этого так не оставлю! Они ответят мне! Ответят за всё!

Темнота. Танец и музыка обрываются. Звучит тихая песня, похожая на колыбельную.

Сцена 3. Ассоль и её отец Лонгрэн

Лонгрэн сидит, покачиваясь, и задумчиво напевает песню, словно колыбельную. Ассоль лежит рядом, положив голову ему на колени.

ЛОНГРЕН.

Где небо встречается с морем,
А море встречается с небом.
Там Солнце в бескрайнем просторе
Плывёт за дельфинами следом...

(см. тексты песен)

АССОЛЬ. Я так люблю эту песню. Она похожа на мечту. Несбывшуюся мечту.

ЛОНГРЕН. О... мы, кажется, загрустили? Отчего, Ассоль? Ну-ка, рассказывай, что случилось?

АССОЛЬ. Ничего не случилось, отец. Всё как обычно...

Скажи, почему нас так не любят в деревне?

ЛОНГРЕН. Потому что они не умеют любить, Ассоль.

АССОЛЬ. Не умеют... Бедные. Зато они умеют нелюбить. Меннерс на нас очень зол. Что ты ему сделал? Он всем говорит, будто... говорит, что ты...

ЛОНГРЕН. Что я убил его отца? Я давно должен был рассказать тебе, но это так непросто...

АССОЛЬ. Нет! Не говори! Этого не может быть! Я не верю!

ЛОНГРЕН. Успокойся, милая, я никого не убивал. Просто однажды я не помог одному человеку спастись.

АССОЛЬ. Почему?..

ЛОНГРЕН. Ты же знаешь, отчего умерла твоя мать. Но я не говорил тебе, из-за кого это случилось.

АССОЛЬ. Это был он? Отец Меннерса?

ЛОНГРЕН. Ты родилась холодной зимой, Ассоль. Я тогда ещё плывал матросом на «Орионе» и не знал, что ты уже появилась на свет. До моего возвращения оставалось совсем немного, но, увы, у матери уже не хватало денег, чтобы прокормить вас обеих. И тогда она решила пойти к нему – самому богатому человеку в этой деревне.

Завывание вьюги. Вечер. Женищина (Мери, мать Ассоль) стучит в дверь. Открывает Меннерс (почти такой же, как сын, но более пожилым – сгорбленный и седой).

МЕННЕРС СТАРШИЙ. А, Мери! Чего это ты, вдруг, ко мне на ночь глядя? Переночевать, что ли? Ну, заходи, заходи, я не прочь – у меня под боком местечко для тебя свободно.

МЕРИ. Мне не до шуток, Меннерс. В доме нет ни крошки съестного. Дочку не могу кормить.

МЕННЕРС СТАРШИЙ. Ай-яй-яй... Какая беда! Тебе, наверное, деньги нужны?

МЕРИ. Я отдам сразу, как только Лонгрен вернётся.

МЕННЕРС СТАРШИЙ. У-у... зачем же нам с тобой так долго ждать? Всё гораздо проще, милая. И Лонгрен нам совсем не нужен. Смекаешь?

МЕРИ. Вот. Можешь взять моё кольцо! Оно дорогое. Возьми его!

МЕННЕРС СТАРШИЙ. Мне не нужно твоё кольцо. Мне нужна ты, Мери. Будь, смелее! Не упрямясь. Приласкай меня, и я тебя хорошо накормлю...

МЕРИ. Не трогай меня! Ты с ума сошёл! Опомнись – я давно замужем и у меня маленькая дочка!

МЕННЕРС СТАРШИЙ. Не хочешь – не надо. И сама с голоду умрёшь и дочку погубишь.

МЕРИ. Да я лучше умру, чем прикоснусь к тебе!

МЕННЕРС СТАРШИЙ. Смотрите, какая гордая! А про ребёнка забыла – чем кормить-то будешь?

МЕРИ. Найду чем... В город схожу – тут недалеко.

МЕННЕРС СТАРШИЙ. Недалеко летом. А сейчас-то и простудиться недолго.

МЕРИ. Ничего. Переживу как-нибудь. Бог поможет. Прощай.

МЕННЕРС СТАРШИЙ. Зря ты так, Мери. Нам было бы хорошо вдвоём!

Мери уходит.

Слышишь?.. Куда ты пошла? Не делай глупостей!

Ну и иди! Сама потом пожалеешь...

Снова высвечиваются Лонгрен и Ассоль.

АССОЛЬ. А потом мама умерла?

ЛОНГРЕН. Заболела уже на следующий день... Простудилась сильно... Соседка ухаживала за вами обеими, но спасти удалось только тебя. Когда же я вернулся, Мери уже не стало...

АССОЛЬ. И тогда ты...?

ЛОНГРЕН. Нет. Он сам тонул. Я просто не подал ему руки.

АССОЛЬ. Почему наш мир такой жестокий? Почему люди не могут просто жить и радоваться жизни?

ЛОНГРЕН. Не все, дочка. Есть и те, которые могут.

АССОЛЬ. Иногда хочется сказать – оглянитесь, люди! Вокруг такая красота! К ней совсем не идут жестокость и обман. Посмотрите на это небо, посмотрите на это море! Как оно прекрасно! И волшебной ночью и радостным днём.

А каким сказочным бывает море в тихое летнее утро, вы разве забыли? Когда несмелый бриз развеивает тончайшие полоски тумана, над лазурной рябью то тут, то там мелькают

белые гребешки волн, а в голубой вышине проплывают лёгкие облака. Словно природа играет, и Земля с небом сливаются в один прекрасный мир! Как в твоей песне, папа. Вся душа наполняется теплом и радостью! В такие минуты очень хочется поверить в чудо...

ЛОНГРЕН. Ты знаешь, многие любят море, только не все могут так хорошо говорить об этом, как ты, Ассоль.

АССОЛЬ. А ведь, согласишься – это смотрелось бы очень красиво, если б действительно однажды ясным утром над морем вдруг возникли... алые паруса!

ЛОНГРЕН. Ассоль, девочка моя, ты всё ещё помнишь эту сказку?

АССОЛЬ. Я уже большая, папа... Столько лет прошло – но ни кто так и не приплыл сюда... Я понимаю, я всё понимаю – это был просто сон. Такой чудесный детский сон про доброго волшебника.

Идут минуты не спеша,
А годы мчатся вскачь.
Взрослеет нежная душа,
Хоть радуйся, хоть плачь...

(см. тексты песен)

Сцена 4. Ассоль и старушка

Утром на берегу моря. Ассоль стоит и смотрит вдаль. Появляется Старушка, смотрит на Ассоль, недовольно бормочет. Сначала как будто сама с собой.

СТАРУШКА. Ах, Ассоль, ты, Ассоль. Ну что ты всё стоишь и стоишь тут каждое утро? Не смешила б людей-то. Чего выстаиваешь? Принцесса малахольная. Лучше б работать шла в огород как все нормальные бабы. С утра-то работается лучше. Глядишь, и мужик бы какой тебя приметил. Слышишь, нет?

АССОЛЬ. Что?

СТАРУШКА. Не слышишь, что ли?

АССОЛЬ. Ой, здравствуйте, бабушка. Я засмотрелась на море. Сегодня оно как-то особенно красиво.

СТАРУШКА. Да, погода хорошая... Ты, Ассоль, когда говоришь, вроде здоровой кажешься. А ведёшь себя так, что тьфу ты – не приведи, господь! Жениха-то всё нету?

АССОЛЬ. Нет пока.

СТАРУШКА. Ага. Учить тебя некому, я смотрю. Вот и ходишь посмешищем... Ладно. Хочешь настоящего принца? Слушай меня, поняла? Так и быть, помогу. У меня-то их знаешь, сколько было? У-у-у...

АССОЛЬ. Но мне не нужны ваши принцы, бабушка...

СТАРУШКА. Цыц! Ишь ты, коза какая! Смеяться вздумала. А ещё говорят, что полумная... Я с тобой серьёзно говорю. Ну-ка, давай, стань вот так. Ну!

АССОЛЬ. Зачем?

СТАРУШКА. Ой, тёмная-то, ой... Стань, говорю! Теперь потянулись. Ручки вверх. Локти назад. Хорошо так потянулись. Ага... Ну, ничего, ничего... А теперь наклоняемся и собираем сорнячки, собираем... Ну, что ты опять смотришь?

АССОЛЬ. Какие сорнячки? Я не понимаю.

СТАРУШКА. Да... Вот оно – детство без матери. Запоминай, сиротка. Запоминай внимательно. Завтра, с утра выйдешь в огород и начнёшь полоть грядки. Но только те грядки, которые у забора, поняла? Можешь даже и не полоть сперва, главное – посматривай за заборчик, да поглядывай.

Как только первый принц пойдёт по улице, так сразу выпрямляешься и потягиваешься, как я тебя сейчас учила, а потом наклоняешься и, не спеша так, спокойно сорнячки начинаешь собирать. К забору повернись этим... спиной, и собирай, собирай себе. Только, на принца не вздумай смотреть, куда совсем мимо не пройдёт. А то вспугнёшь, поняла? И вот так каждое утро делай. Через недельку придёт свататься – это я тебе точно говорю!

АССОЛЬ. Но откуда же там, на улице, принц появится, бабуля?

СТАРУШКА. Да как откуда? Не знаешь, что ли? С рыбалки, конечно! Одни ж на утренний клёв идут, другие обратно, с ночи. Потому утром самое время-то, к заборчику за сорнячками топтать. И дело будет и польза. Выбирай там себе кого захочешь!

АССОЛЬ. За сорнячками, говорите?

СТАРУШКА. Да за ними, родными. А тут, на берегу, нечего тебе стоять, глаза мозолить. Только позоришься и людей дразнишь. Они, вон, кто в лодках, лишь смеются над тобой, да от работы отвлекаются.

АССОЛЬ. Спасибо за совет. Но я лучше без них как-нибудь проживу.

СТАРУШКА. Без кого это? Без мужичков, что ли?

АССОЛЬ. Без сорнячков, бабушка, без сорнячков.

Уходит.

СТАРУШКА. Да. Безнадёжно. Одно слово – полоумная.

Сцена 5. На корабле Грея

Шторм. Матросы «Секрета» сражаются со стихией...

В морях и океанах
О славных капитанах
Слагаются легенды много лет...

(см. тексты песен)

Буря стихает. Команды Пантена (подчеркнутые) «вдали» ещё раз повторяются вихренным, словно эхо.

ГРЕЙ. Закрепить мачты.

ПАНТЕН. Закрепить мачты! *Подтянуть все ванты и фордуны!*

ГРЕЙ. Ветер попутный, Пантен. Поднимай марсели.

ПАНТЕН. *Поднять грот-марсель!*

ГРЕЙ. Полный? Не рановато ещё?.. Может, стоит урезать на пару рифов?

ПАНТЕН. Ну, Грей, вы как скажете – «урезать» – не сразу-то и поймёшь... Как хотите, конечно, но я не стал бы сейчас брать рифы, капитан. Ветер почти утих.

ГРЕЙ. Думаешь, утих? Хорошо. Я тоже люблю скорость, но если паруса сорвёт, будешь сам потом зашивать, боцман.

ПАНТЕН. У меня ничего не сорвёт!

Эй, поднять фок-марсель! Веселее, парни! Веселее!

ГРЕЙ. Этого пока достаточно. Теперь можно открывать люки и сушить паруса.

Грей уходит.

ПАНТЕН. *Открыть люки! Мокрые паруса на ростры! Не ленись! Живо, живо! Юнгу, ко мне!*

Подбегает мальчишка.

ПАНТЕН. Ну, что ж, молодец! Скажу прямо – я думал ты сломаешься в первый же час! Пережить свежий ветер с кормовой качкой – это не просто даже для бывалого моряка.

ЮНГА. Свежий ветер? Я думал, это был ураган, господин боцман.

ПАНТЕН. Ураган? Ну ты даёшь!.. А разве ты не заметил, герой, какие паруса стояли у нас на «Секрете»?

ЮНГА. Конечно! Был всего один трисель, а остальные вы приказали убрать.

ПАНТЕН. Вот именно – трисель! Это ж как божий день! Так вот слушай сюда – если бы это был ураган, малыш, я приказал бы убрать вообще все паруса. Ясно?

ЮНГА. Могу ли я тогда спросить вас?

ПАНТЕН. Ну, давай, давай, спрашивай.

ЮНГА. Если убрать вообще все паруса, я думаю, корабль потеряет управление.

ПАНТЕН. Это ты так спросил? Нет, вы на него посмотрите! Это так цыгане в порту спрашивают!

ЮНГА. Простите, господин боцман! Я просто думал...

ПАНТЕН. Да ясно всё как божий день! Только, кроме хороших мозгов, неплохо бы иметь немного опыта, птенчик. Слушай сюда! Любой парус разорвёт в клочья первым же серьёзным шквалом! Если этот парус не большой, конечно. А если ты ещё, с дуру, поставишь чего посерьёзнее, то можно и мачты лишиться, дружок, а то и вообще взлететь, как говорится, килем в небо! Понял? Вот, иди и думай теперь про потерю управления, умник. Потом доложишь. Всё.

ЮНГА. Слушаюсь!

ПАНТЕН. Стой. Руки покажи... Ясно. Сколько раз тебе повторять – канаты хватать надо, а не гладить! Короче, даю тебе два дня отдыха.

ЮНГА (*радостно*). Есть, два дня!

ПАНТЕН. Я не закончил. Иди, возьми на камбузе спирт и бинт, и возвращайся сюда. Будешь лечить свои мозоли.

ЮНГА (*нерадостно*). Слушаюсь, господин боцман.

ГРЕЙ. Пантен!

ПАНТЕН. Я здесь, господин капитан! (*Юнге*.) Ну-ну! Чего скис? Бегом! И смотри, иголку не забудь.

Грей подходит. Юнга приветствует его и убегает.

ГРЕЙ. Ну, что скажешь, Пантен?

ПАНТЕН. А что? Хороший парень! Старается. Не хнычет. И дотошный такой – все вопросы задаёт. Очень мне Вас напоминает, Грей, когда Вы ещё мальчишкой на «Ансельме» ходили! Помните старину Гопа – уж он Вам спуску не давал!

ГРЕЙ. Благодаря ему, я стал неплохим моряком, Пантен.

ПАНТЕН. И очень хорошим капитаном, Грей! Уж, поверьте мне, это ясно как божий день.

ГРЕЙ. Ладно, ладно... Давай-ка, лучше, к делу. Шторм был попутный, так что в порту мы окажемся гораздо раньше, чем рассчитывали.

ПАНТЕН. Да разве ж это шторм, капитан? Так, свежий ветер...

ГРЕЙ. Отставить болтовню, боцман. Мы прибудем не на рассвете, а уже сегодня к вечеру. Так что срочно готовьте «Секрет» и команду – отдыхать будем на берегу.

ПАНТЕН. Есть, капитан.

ГРЕЙ. И ещё: раз так вышло, когда станем на якорь, пусть Летика подготовит шлюпку и удочки. Этот ночной город меня совсем не привлекает.

ПАНТЕН. Будет сделано. На рыбалку, значит... Я вижу, вы нынче не в духе, капитан Грей.

ГРЕЙ. Не знаю, Пантен, что такое. Словно что-то должен сделать и не знаю что.

ПАНТЕН. Забыли что-нибудь?

ГРЕЙ. Да нет. Тут что-то другое, неважное... Или наоборот, такое важное, что других не касается. Тоска какая-то внутри... И, вроде, устал, а спать не тянет.

ПАНТЕН. Бывает, капитан. Иным в таких случаях ночные кабаки хорошо помогают. Но вы у нас поскольку трезвость любите, то рыбалка в гавани, пожалуй, будет вам в самый раз. И тихо, и спокойно.

ГРЕЙ. Я тоже так думаю.

ПАНТЕН. Только сдаётся мне, что тут дело посерьёзнее.

ГРЕЙ. В каком смысле?

ПАНТЕН. Да как бы вам сказать-то уж и не знаю. Всё-то вы у нас один да один... Матросы, вон, чуть на берег – уже с подружками гуляют. Я, конечно, согласен, что женщины народ ненадёжный, и часто они сами не понимают, что делают. Среди них, Грей, конечно, есть стервы, есть, согласен, но вы не думайте, что все такие. Без женского полу всё одно чего-то не хватает. Хотя бы даже глупости их, например.

ГРЕЙ. Как раз глупостей мне тут и без женщин удаётся послушать немало. Чаще всего, от своего боцмана. Ну, с чего ты вдруг взял, что я так плохо думаю о женщинах?! Я никак не мог дать повода к таким... странным мыслям.

ПАНТЕН. Логика, капитан. Я догадлив! Когда мы гостили в замке у вашей матушки – помните? – слуги мне рассказали один случай. Из вашего детства. Я вот тут сразу и смекнул!

ГРЕЙ. Даже в голову не приходит, что такое они могли тебе рассказать?

ПАНТЕН. Да тот случай на кухне, когда вам было лет десять. Служанка, как её – Бетси, кажется? – обварила руку кипятком, помните? А вам её так жаль стало, что вы в суматохе половник зачерпнули и себе на руку тоже кипящий бульон вылили. Чтобы, значит, понять его, это, чужое страдание-то! Вот, характер, у вас, а? С таких-то лет!

ГРЕЙ. Да, был такой случай. Потом я её к врачу повёл. И мы, кстати, с Бетси стали большими друзьями. Я не понимаю, Пантен, почему вы решили, что я из-за этого должен быть в обиде на всех женщин?

ПАНТЕН. В том-то и заковырка! Мальчишка Грей был в душе героем, а дамочка – что?

ГРЕЙ. Что?

ПАНТЕН. А то! Когда она ошпарилась, и малыш подошёл к ней с сочувствием, и спросил, значит, – больно ли тебе, мол, девица, – она что тогда сказала?

ГРЕЙ. Не помню.

ПАНТЕН. Вот! А слуги помнят! Она ответила, слезами истекая: «Попробуй, так узнаешь!» Чувствуете? Ей, конечно, и в голову не могло прийти, что мальчишка побежит попробовать! Потому что сама бы она ни за что не побежала бы. И понять женщинам настоящего рыцаря, даже если ему всего-то ещё десять лет, не дано!.. Да. Вот это-то и обидно. Ради кого страдаем!

ГРЕЙ. Да, Пантен. Ты, конечно, хороший боцман, но иногда такого себе накрутишь в голове, что белое чёрным начинает казаться.

Могу тебя твёрдо уверить – у меня к женщинам отношение самое уважительное. А то, что один пока, так, просто, не встретил, видать, судьбу свою.

ПАНТЕН. Смейтесь, смейтесь над стариком, капитан! Может, я в чём-то и ошибся. Может, и фантазии у меня много, но мне ясно как Божий день, что судьба эта ваша встретится очень-очень скоро.

ГРЕЙ. Да ну? Не знал, что ты ещё и волшебник у нас, предсказатель.

ПАНТЕН. Смейтесь, смейтесь. Поживёте с моё, тоже волшебником станете. Я ж по глазам-то всё вижу. Да и по возрасту... Пора уж... Да...

Возвращается юнга.

ПАНТЕН. Ну что, всё принёс?

ЮНГА. Так точно!

ГРЕЙ. Как тебе морская служба, юнга? Домой ещё не тянет?

ЮНГА. Тянет! Но я не хочу! Прекрасная служба, господин капитан!

ГРЕЙ. Молодец. Как ураган перенёс, не страшно было?

ЮНГА. Это был не ураган, а свежий ветер, господин капитан!

ГРЕЙ. Хм. Понятно. И я даже догадываюсь, откуда этот ветер дует... Пантен, про корабль не забудьте. Скоро земля.

ПАНТЕН. Всё будет сделано, господин капитан! И хорошего Вам улова, господин капитан!

Эй, на вахте! Свистать всех наверх! Живее! Собрание на полубаке! Время пошло!

Вахтенный вдали кричит «Свистать всех наверх!».

ПАНТЕН (*юнге*). Так, идем, боец. перевязка откладывается на десять минут.

Уходят. Грей остаётся один.

ГРЕЙ.

Порой приходят грустные минуты,
И снова я у чистого листа...

(см. тексты песен)

Второй акт

Сцена 6. Рассвет

Ночь (или очень раннее утро, до восхода). Сверчки, цикады и шум прибоя. На авансцене камень, пень и т. п. (тот же). Появляется Ассоль.

АССОЛЬ. Какое всё теперь маленькое. И этот камень, и ручей... Наверное, он всё-таки обмелел... Сейчас бы сюда ни какая яхта не доплыла бы.

Садится на камень.

Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом. Потому что я – самый главный волшебник. Клянусь Гримами, Эзопом и Андерсеном...

Встаёт.

А море такое же... Какой странный человек. И почему он клялся Андерсеном?

Не знаю, сколько пройдёт лет... Не знаю. Я ничего, ничего не знаю.

Садится рядом с камнем, положив на него руки и голову. Звучит музыка.

«Зачем вы приехали? Кого вы ищите?» – спросят люди. На берегу соберётся много народу, удивляясь и ахая. А корабль величественно подойдет к самому берегу под звуки прекрасной музыки.

Музыка звучит громче. Раздаются немного нереальные голоса.

ГОЛОС МАЛЕНЬКОЙ АССОЛЬ. Это всё мне? Может быть, он уже пришёл... тот корабль?

ГОЛОС ПРЕКРАСНОГО ПРИНЦА. «Здравствуй, Ассоль! Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне. Я приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. Жить мы станем с тобой дружно и весело».

ГОЛОСА ЛЮДЕЙ. «Зачем вы приехали? Кого вы ищите? Зачем...»

ГОЛОС ПРЕКРАСНОГО ПРИНЦА. Я увидел тебя во сне. Никогда твоя душа не узнает слёз и печали. Здравствуй, Ассоль, здравствуй!.. Я приехал, чтобы увезти тебя...

Голос плавно затихает. Ассоль спит.

С противоположной стороны сцены появляются Грей и матрос Летика с удочками.

ЛЕТИКА (*громко напевает*).

«Секрет», надёжней судна в мире нет!

«Секрет» нас выведет на свет,

«Секрет» – команды не найдёшь сильней,

И в этом весь секрет!

ГРЕЙ. Не кричи, Летика. Всю рыбу распугал.

ЛЕТИКА. Эх, господин капитан! Той рыбе, которую мы поймали, уже всё равно, пугай – не пугай.

Да и где ж вы крик-то услышали? Кричат бакланы у причала, а я, между прочим, пою.

ГРЕЙ. Ну, молодец, молодец. Только пой потише. И лучше про себя.

ЛЕТИКА. Хм, про себя петь как-то нескромно... Кажется, тут неплохое местечко, капитан.

ГРЕЙ. Да, пожалуй. Здесь и отдохнём.

ЛЕТИКА. Есть, привал! Скажите, капитан, а правда ли говорят, будто бы родом вы из знатного семейства? Я думал, что всякие там графья сплошные неженки и белоручки.

ГРЕЙ. Это неинтересно, Летика.

ЛЕТИКА. Нет, ну ведь это же удивительный случай! А я, знаете, большой любитель удивительных случаев. Я их собираю и коллекционирую. Честное слово, если б я был писателем, капитан, я бы давно уже издал такую книжку удивительных случаев. Она бы так и называлась «Книга Летики». А что? Все стремились бы туда попасть! Я даже думаю, что многие специально стали бы создавать такие случаи или придумывать всякие странные достижения, только чтобы попасть в мою книгу! Я, конечно, сразу стал бы миллионером, купил бы себе замок, потом стал бы графом, как вы, сидел бы себе в этом замке и плевал в потолок. Красота! И уж, клянусь, никакие соленые ветры не затащили бы меня обратно в море.

ГРЕЙ. Это тебе так кажется, Летика.

ЛЕТИКА. Все равно не понимаю. Плавать на паруснике по морям, трудиться день за днём, качаться на волнах, рисковать жизнью. Зачем? Для чего? Если уже все есть – и дом, и еда, и титул, и деньги...

ГРЕЙ. Летика!.. Давай-ка, лучше помолчим и послушаем. Слышишь?

ЛЕТИКА. Чего?

ГРЕЙ. Тихо так. Хорошо. Лес, море. Действительно, красота, правда? Настоящая.

ЛЕТИКА. ...и в этом весь секре-е-ет.

ГРЕЙ. Разводи лучше огонь, певец. Перекусим немного.

ЛЕТИКА. Есть, огонь! Разрешите отчалить за хворостом?

ГРЕЙ. Разрешаю.

Летика уходит. Грей направляется в сторону, где уснула Ассоль. Обнаруживает её. Долго разглядывает.

«Грей присел на корточки, заглядывая девушке в лицо... не подозревая, что напоминает собой Фавна с картины Беклина...»

Летика возвращается с хворостом.

ЛЕТИКА. Капитан, где вы?

Летика идёт к Грею.

Грей встаёт, собирается уходит. Вдруг передумывает. Задумчиво снимает с пальца кольцо и опускает его на мизинец Ассоль. Оглянувшись, Грей обнаруживает, что сзади стоит сильно удивлённый Летика.

ГРЕЙ. А, это ты, Летика! Посмотри-ка на неё. Что, хороша?

ЛЕТИКА. Дивное художественное полотно! В соображении обстоятельств есть нечто располагающее... Но я не успел развести костёр, капитан, потому что искал вас...

ГРЕЙ. Тише, Летика. Уйдём отсюда.

Отходят.

ГРЕЙ. Уже светает. Костёр, пожалуй, не стоит разводить... Там за деревьями какая-то деревушка, видишь?

ЛЕТИКА. Ну, так и что такого? Разве мы им помешаем?

ГРЕЙ. Летика, постарайся тихо разговаривать, хорошо? Мы сейчас пойдём туда. Ты, ведь, сможешь определить своим опытным глазом, где трактир?

ЛЕТИКА. Отсюда очень трудно... Должно быть, вон та чёрная крыша.

ГРЕЙ. Что же в той крыше приметного?

ЛЕТИКА. Сам не знаю, капитан. Ничего больше, как голос сердца.

Грей тут же оглядывается в сторону спящей Ассоль. Далее Летика забывается и говорит с каждой фразой всё громче.

ГРЕЙ. Идём.

ЛЕТИКА. А удочки!? Вещи!?!..

ГРЕЙ. Оставь. Потом... (*Снова оглядывается в сторону Ассоль.*) Впрочем, прикрой хворостом, чтобы никто случайно не увидел.

ЛЕТИКА. Эх, капитан! Я поймал четыре мурены и ещё какую-то толстую, как пузырь, а вы говорите, оставь...

ГРЕЙ. Тише, Летика, тише!

Летика прячет под охапкой хвороста удочки.

ЛЕТИКА. Да я тихо... Всё можно идти! Никто не... *(Спотыкается. Говорит очень громко.)* Чёрт!!! Пенёк тут ещё этот!..

Ассоль пошевелилась. Грей хватается за шиворот и быстро увлекает за собой.

Ассоль остаётся на сцене одна. Просыпается.

АССОЛЬ. Что это? Чья эта шутка? Чья шутка? Разве я сплю? Может быть нашла и забыла?

Ассоль осматривается вокруг. Держа в пригоршне кольцо рассматривает его. Смотрит на небо. Прячет кольцо за лиф. Неожиданно обращает внимание на камень. Рассматривает его, как диковинку. Обращается к камню.

АССОЛЬ. Спасибо! Спасибо тебе, брат мой! Я знала... я всегда знала, что это правда! Да, все говорят, что так не бывает. Так не бывает никогда! Но, пожалуйста, пусть хотя бы сейчас это будет не сон! Пожалуйста!

Со стороны, куда ушли Грей с Летика, появляется Циммер со своей виолончелью. Замечает издали Ассоль. Останавливается.

Ассоль спиной к нему. Снова смотрит на кольцо. Смётся. Обнимает камень.

ЦИММЕР. Бог ты мой! Она здесь!.. Не пойму, смеётся или... плачет?

Ассоль!!!

Ассоль испуганно вскакивает, не оборачиваясь на голос.

АССОЛЬ. Волшебник? Нет. Это выше моих сил... я схожу с ума... только не сейчас...

Ассоль не оглядываясь убегает.

ЦИММЕР. Постой! Ассоль! Я только хотел сказать...

Циммер подходит к камню.

ЦИММЕР. А что? Что я мог бы ей теперь сказать? Прости? Так просто? Всего лишь слово – и больше ничего. Так же просто, как сказал когда-то маленькому доверчивому существу несколько других слов... Но мог ли я знать тогда, что моя невинная шутка так перевернёт ей всю жизнь?!.. Наверное, мог. Должен был знать! Видит Бог, хотел подарить ребёнку сказку! Всего лишь. А подарил несбыточную надежду, бесконечное ожидание, насмешки окружающих. Какое я имел право? Самонадеянный глупец. Пара слов и вот – целая жизнь страданий... Эх, брат, ты оказался совсем никудышным волшебником.

Играет на виолончели.

Душа у девчонки свободна как птица,
Но, каждый встречая рассвет,
Всё ждёт, почему-то, прекрасного принца,
Которого, может быть, нет...

(см. тексты песен)

Сцена 7. Снова в трактире

Циммер перестаёт играть. Немногочисленные посетители хлопают. Уходят из трактира. Остаются только Грей и Летика. За своим отдельным столиком снова сидит угольщик Филипп. За другой усаживается Циммер. Он явно не в настроении.

ГРЕЙ. Как тебе, Летика? По-моему, очень неплохо.

ЛЕТИКА. Хорошую музыку я люблю послушать, особенно в такой глуши и после долгого плавания.

ГРЕЙ. Да... Господин музыкант!

ЦИММЕР. Меня зовут Циммер, сударь.

ГРЕЙ. Очень приятно, господин Циммер. Я, с вашего позволения, сообщу вам своё имя немного позже. Надеюсь, что нам удастся встретиться в скором времени.

ЦИММЕР (*равнодушно*). Вы хотите предложить мне работу? Благодарю, господин капитан, в здешних краях это большая редкость.

ГРЕЙ. Пока не могу сказать точно. У вас есть ещё знакомые музыканты? На случай, если мне бы понадобился небольшой оркестрик.

ЦИММЕР. Думаю, что я смогу найти достойных людей.

ГРЕЙ. Замечательно! Но поговорим об этом позже.

ЦИММЕР. Как вам будет угодно, господин капитан.

МЕННЕРС. Вам чаю?

ЦИММЕР. Нет. На этот раз можно чего-нибудь покрепче.

Меннерс наливает Циммеру из бутылки. Грей подзывает Меннерса. Тот подбегает полный подобострастия.

ГРЕЙ. Вы, разумеется, знаете здесь всех жителей. Меня интересует имя молодой девушки, тёмно-русой и невысокой, в возрасте от семнадцати до двадцати лет. Я встретил её неподалёку отсюда. Как её имя?

МЕННЕРС. Хм! Это, должно быть, Корабельная Ассоль. Она полоумная.

ГРЕЙ (*равнодушно*). В самом деле? Как же это случилось?

МЕННЕРС. Когда так, извольте послушать.

Лет семь тому назад встретила она колдуна-предсказателя на берегу, а может, и не встречала ни кого, только стало ей чудится, что за нею приплывёт корабль с алыми парусами. Таких кораблей не бывает в природе, вы же понимаете. Но она всё ждёт, глупая, как бы мы над ней не смеялись. С тех пор так её и зовут – Ассоль Корабельная.

ГРЕЙ. А вы над ней, значит, смеётесь.

МЕННЕРС. Что вы! Я не о себе! Народ у нас, сами понимаете, грубоват. Опять же, и женщины местные – как им не смеяться, коли Ассоль с этого безумного корабля прекрасного принца ждёт. Якобы, он именно её тут же выберет себе в жёны. Эта глупость многим кажется даже очень оскорбительной! К тому же, и отец у неё сущий мерзавец. Он утопил моего папашу, как кошку какую-нибудь, прости, Господи. Он...

ФИЛИПП (*громко и свирепо*). Корзинщик, корзинщик, Дери с нас за корзины!..

МЕННЕРС. Опять ты нагрузился, вельбот проклятый! Уходи вон!

ФИЛИПП. Но только бойся попадать в наши Палестины!..

МЕННЕРС (*грею*). Дрянь, а не человек. Каждый раз такая история!

ГРЕЙ. Более вы ничего не можете рассказать?

ЦИММЕР. Я могу!

МЕННЕРС. Нет, нет! Не перебивайте. Уж я начал, я и закончу! Так вот. Отец её – мерзавец, как я вам уже гово...

ФИЛИПП. Ты врешь! Ты врешь так гнусно и ненатурально, что я протрезвел!

(*Грею.*) Он врёт. Его отец тоже врал; врала и мать. Такая порода. Можете быть покойны – Ассоль так же здорова, как мы с вами. Я с ней разговаривал. У неё хорошая голова. Это сейчас видно. С тобой, Меннерс, она, понятно, не скажет и двух слов. Но я, сударь, в свободном угольном деле презираю суды и толки!

Она говорит, как большая, но причудливый её разговор.

Вот, к примеру, раз завелось дело о ремесле. «Я тебе что скажу, – говорит она, – моя работа не скучная, только всё хочется придумать что-нибудь особенное. Я, говорит, хочу так

изловчиться, чтобы у меня на доске сама плавала лодка, а гребцы гребли бы по-настоящему; а потом они пристают к берегу и, точно живые, садятся на берегу закусывать». Я это захохотал, мне, стало быть, смешно стало, и говорю: «Ну, Ассоль, такое уж твоё дело, потому и мысли у тебя такие, а вокруг-то посмотри: все в работе, как в драке.» – «Нет, – говорит она, – Когда рыбак ловит рыбу, он думает, что поймает самую большую рыбу, какой никто не ловил.» – «Ну, спрашиваю, а я как же?» – «А ты? – смеётся она. – Ты, верно, когда наваливаешь углём корзину, то думаешь, что она зацветёт». Вот какое слово она сказала! В ту же минуту дёрнуло меня, сознаюсь, посмотреть на пустую корзину, и так мне вошло в глаза, будто из прутьев поползли почки; лопнули эти почки, брызнуло по корзине листом и... пропало. Я малость протрезвел даже!.. Вот... А Меннерс врёт и денег не берёт, – я его знаю!

(Меннерсу.) Рому давай, чего стоишь!

Меннерс из-за стойки, игнорируя Филиппа, обращается к Грею.

МЕННЕРС. Прикажете подать что-нибудь?

ГРЕЙ. Нет. Мы уходим.

ЦИММЕР. Капитан, если вы ещё не передумали насчёт оркестра, то я хотел бы вас немного проводить... Чтобы уточнить, м-м-м, состав инструментов.

ГРЕЙ. Состав?.. А, хорошо. Идёмте.

Грей расплачивается и уходит вместе с Летикой и Циммером.

МЕННЕРС. Ещё один сумасшедший. Да ещё миллионер! Оставил столько золота, что можно полгода не работать! Эх, живут же люди...

Меннерс.

Моей тоски глубокой и печали
Людишки никогда не замечали...

(см. тексты песен)

Сцена 8. Приготовления

Активная музыка, на фоне которой периодически возникают в разных местах локально высвеченные быстрые диалоги...

1. Грей и боцман Пантен.

– Капитан, тут один маклер предлагает выгодный фрахт с премией.

– Пантен, сообщите людям, что сегодня мы поднимаем якорь и переходим в устье Лилианы, миль десять отсюда. Придите за картой. Лоцмана не брать. Пока все... Выгодный фрахт мне не нужен. Я буду в городе до вечера.

– Что случилось?

– Решительно ничего. Матросам скажите, что предстоит мелкий ремонт. Потом всё объясню.

– Будет исполнено...

2. Грей и продавец тканей.

– У меня лучший шёлк в городе, сударь, самый лучший! Есть, конечно, и красный...

– Нет. Этот слишком бледный.

– В таком случае, есть с прекрасным розоватым оттенком!

– Нет.

– Вишнёвый? Оранжевый?

– Нет. Нет.

– Тёмно-рыжий?
– Нет. Все не то...

3. Пантен.

(Пантен один.)

– Что происходит, чёрт возьми? Уж не выступаем ли мы под чёрным флагом?
(Подбегает матрос или юнга.)
– Боцман, там какие-то люди с трубами, барабанами и другими скрипками.
– Что им-то здесь нужно?
– Говорят, что капитан позвал их на «Секрет».
– Дьявольщина! Отведи их пока в кубрик и ни куда не выпускай. Дальше видно будет.

4. Снова Грей и продавец тканей.

– Довольно образцов! Этот шёлк я беру.
– Весь кусок?.. Нет?.. В таком случае, сколько метров?
– Одну секунду... Так... выходит... две тысячи метров. Да, не более двух тысяч метров.
– Две? Тысячи? Метров? Прошу вас сесть, капитан. Две тысячи... Вот спички, вот прекрасный табак, прошу вас. Две... Это будет... это ж будет... Господи!.. два километра!..

Финал музыки.

5. Грей выступает перед командой.

ГРЕЙ. Ничего особенного, друзья мои! Мы простоим в устье реки, пока не сменим весь такелаж. Из красного шёлка будут сделаны новые паруса для «Секрета». Затем мы отправимся недалеко отсюда... Я еду к жене. Она ещё не жена мне, но будет ею. Мне нужны алые паруса, чтобы ещё издали, как условлено с нею, она заметила нас. Вот и все. Как видите, здесь нет ничего таинственного. И довольно об этом.

ОДИН ИЗ МАТРОСОВ. Так вот в чём дело, капитан! Не нам, конечно, судить об этом. Как желаете, так и будет. Я поздравляю вас!

ГРЕЙ.

Благодарю!

Матросы по очереди подходят к Грею и пожимают ему руку.

Юнга переговаривается с одним из матросов.

ЮНГА. Том, а ты как женился?

МАТРОС *(гордо)*. Я поймал её за юбку, когда она хотела выскочить от меня в окно!

Все постепенно расходятся. На «палубе» Грей и Пантен.

ПАНТЕН. Лево четверть румба, лево! Стой: ещё четверть! *(Грею.)* Знаете, я доволен.

ГРЕЙ. Чем?

ПАНТЕН. Тем же, чем и вы. Мне всё ясно, как божий день.

ГРЕЙ. Что вам ясно?

ПАНТЕН. Лучший способ провезти контрабандную материю! Ведь, всякий может иметь такие паруса, какие хочет, правда? У вас гениальная голова, Грей! Ха-ха-ха!!!

ГРЕЙ. Бедный Пантен! Ваша догадка остроумна, но лишена всякой основы. Сейчас, когда в сердце моём больше счастья, чем у слона при виде булочки, я попытаюсь настроить вас в унисон со своими мыслями.

Скоро вы увидите девушку, которая не может, *не должна иначе* выйти замуж, как только таким способом, который я развиваю на ваших глазах. Я прихожу к той, которая ждёт меня, и не хочу ни кого другого, кроме неё, может быть, именно потому, что благодаря ей я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками.

Когда для человека главное – получить дражайший пятак, легко дать этот пятак, но когда душа таит зерно пламенного растения – надежды на чудо, то сделай ему это чудо, если ты в состоянии.

Новая душа будет у него и новая у тебя. Когда начальник тюрьмы *сам* выпустит заключённого, когда миллиардер подарит поэту виллу, а жокей придержит лошадь ради другого коня, которому не везёт – тогда все поймут, как это невыразимо чудесно! Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощенье, просто доброе слово. Владеть этим – значит владеть всем. Что до меня, то наше начало – моё и Ассоль – останется нам навсегда в алом отблеске парусов, созданных глубиной сердца, знающего, что такое любовь. Поняли вы меня?

ПАНТЕН. Да, капитан. Я все понял. Вы меня... тронули. Пойду-ка я вниз и попрошу прощения у Никса, которого вчера ругал за потопленное ведро. И дам ему табаку, пожалуй – свой-то он проиграл в карты.

Сцена 9. Филипп спасет Ассоль

Деревенская улица. Идут два рыбака и Меннерс.

2-Й РЫБАК. Слушай, Меннерс... давай начистоту... у тебя прямо с собой, вот тут, случайно нет рома?

1-Й РЫБАК. Только честно!

2-Й РЫБАК. Да. И не это...

1-Й РЫБАК. Не юли.

2-Й РЫБАК. Да. Не юли. Мы этого не любим. Вообще.

1-Й РЫБАК. Абсолютно!

МЕННЕРС. Я всё понимаю, братцы! Конечно, у меня есть немного рому. Специально для вас, прямо с собой и... совершенно случайно!

1-Й РЫБАК. О! Другое дело! Давно бы так! А то всё ходишь вокруг да около.

2-Й РЫБАК. Цыц! Тихо. Меннерс – мой друг. И он где хочет, там и ходит. Правильно?

1-Й РЫБАК. Абсолютно.

2-Й РЫБАК. Вот и я говорю. Доставай, друг Меннерс, бутылку. А после ро-ма пора до дома...

РЫБАКИ ВМЕСТЕ. И берег ве-се-ло ка-чается.

МЕННЕРС. Тихо! Идёт! Всё. Я буду говорить, понятно?

Молчание.

МЕННЕРС. А... бутылка потом. Потом.

РЫБАКИ ВМЕСТЕ. Понятно.

Появляется Ассоль.

МЕННЕРС. Ассоль! Ну, наконец-то! Где ты ходишь? Тебя тут все ищут, уже с ног сбились!

АССОЛЬ. Меня? Что случилось?

МЕННЕРС. Всё в город ходишь со своими игрушками, а тут такое происходит!..

2-Й РЫБАК. Да! Та-акое тут! Ого-го!

1-Й РЫБАК. Абсолютно!

МЕННЕРС. Ассоль, признаю, я был неправ. Мы все были неправы, правда? Мы смеялись над тобой, потому что просто не могли в это поверить. Никак не могли. Мы даже когда увидели, не поверили своим глазам, правда?

Ты посмотри на этих мужественных людей, Ассоль, дорогая! Сегодня у них слёзы текли по щекам, когда они увидели это чудо в нашей бухте!

1-Й РЫБАК. До сих пор не могу... понять.

2-Й РЫБАК. Я тоже.

АССОЛЬ. Какое чудо? Пожалуйста... не надо так... шутить.

МЕННЕРС. Как вам не стыдно! Я не позволю больше никому над ней смеяться! Бедняжка Ассоль! Когда этот корабль появился в нашей гавани, у меня все окна в доме покраснели от его парусов!

2-Й РЫБАК. Ничего себе! А я не видел...

МЕННЕРС. Как ты мог видеть мои окна, болван, если ты в это время смотрел на корабль!

2-Й РЫБАК. Я?

МЕННЕРС. Ассоль, дорогая, я сразу всё понял! И, конечно, побежал на берег.

1-Й РЫБАК. Точно! Это ты говоришь про корабль с алыми парусами? Я его видел. Абсолютно!

АССОЛЬ. Я... я была в городе. Как же я могла знать?..

Невольно хватается рукой за кольцо на пальце.

МЕННЕРС. Что там у тебя, Ассоль? Рука болит?

АССОЛЬ. Нет. Ничего.

МЕННЕРС. Он, конечно, искал тебя, но что мы могли поделать? Кажется, он сильно спешил.

АССОЛЬ. Кто?

МЕННЕРС. Ну, расскажите ей, хотя бы как он выглядел, тот красавец с корабля, что вы всё молчите? Высокий, смелый, благородный.

2-Й РЫБАК. Точно! Такой. Он ещё просто вообще это...

1-Й РЫБАК. Со шпагой.

2-Й РЫБАК. Вот. Я и говорю. Тут, на боку прямо шпага такая – ух!

АССОЛЬ. Вы... вы шутите? Откуда он меня знает?

МЕННЕРС. Бог ты мой! Мало ли откуда? А корабль с красными парусами откуда взялся? Тоже ведь загадка! Мы, конечно, сказали ему, что ты в город пошла. Ведь, ты всегда у нас в город ходишь...

АССОЛЬ. Когда же это было? Давно?

2-Й РЫБАК. Давно.

1-Й РЫБАК. Но не очень.

2-Й РЫБАК. Мы как раз рыбу ловили.

1-Й РЫБАК. Точно! Это ж как раз когда я чуть не вытащил ту здоровенную макрель! Помнишь?

О! Вы не поверите! Это надо было видеть! Вот уж попалась макрель, так макрель – в жизни такой не встречал! Абсолютно! Я ещё подумал сперва – что за чёрт? Акулу, что ли подцепил? Представляете? Ну, с метр длины там точно будет, или больше – не знаю, врать не буду, – но тяжёлая, гадина, не поднять! Вот, абсолютно! Уж я её и так и...

МЕННЕРС. Он письмо для тебя оставил, Ассоль.

АССОЛЬ. Что? Какое письмо?

МЕННЕРС (*похлопывая себя по карману*). Откуда мне знать? Я чужих писем не читаю. Может, здесь и не письмо вовсе, а так – просто записка. С обратным адресом.

АССОЛЬ. Оно у вас?

МЕННЕРС. Ассоль, ты же знаешь, я человек простой, ни на кого зла не держу.

Достаёт конверт. Поднимает его над головой.

2-Й РЫБАК (*озадаченно*). О-па!..

МЕННЕРС. Но душа моя болит, Ассоль. Болит и страдает. Скорбный дух моего отца не даёт мне покоя. И я в ответе за него. Мы все в ответе за своих отцов, Ассоль.

АССОЛЬ. Но это не так! Мой отец мне рассказал...

МЕННЕРС. *Твой* отец не в силах признаться и хотя бы попросить прощения. Мне очень жаль, Ассоль, но придётся это сделать тебе.

АССОЛЬ. Лонгрэн невиновен, клянусь вам, это правда!

МЕННЕРС (*убирая письмо в карман*). Что ж, мы друг друга не поняли. В таком случае, я пошёл.

1-Й РЫБАК. И я пошёл.

2-Й РЫБАК. Да уж, повеселились...

АССОЛЬ. Постойте! Погодите! Что вы от меня-то хотите?

МЕННЕРС. Ничего особенного. Попроси прощения. И все.

АССОЛЬ. Прощения?

МЕННЕРС. Да. Это же так просто. Ты говоришь: «Простите, господин Меннерс, моего отца». А я отдаю тебе письмо. И всё. Ну, смелее.

АССОЛЬ. Простите... моего...

МЕННЕРС. На колени.

АССОЛЬ. Что?

МЕННЕРС. На ко-ле-ни!

АССОЛЬ. Не смейтесь надо мной, пожалуйста. Зачем вам это?

МЕННЕРС. Мне не до шуток, Ассоль. Клянусь, я порву это письмо на мелкие кусочки! Развею по ветру все твои алые паруса! И уже никто, никогда, не узнает, откуда и куда они уплыли! Слышишь? На колени, я сказал!

Ассоль медленно опускается на колени.

Со спины у Меннерса выходит Филипп с парой огромных корзин. Увидев происходящее, останавливается. Ставит корзины на землю.

АССОЛЬ. Клянусь Богом, отец мой невиновен...

Меннерс начинает медленно разрывать письмо пополам.

АССОЛЬ. Нет! Прошу вас!

МЕННЕРС. Это неправильные слова, Ассоль.

2-Й РЫБАК. Слушай, Меннерс, может, он и вправду это... не того...

МЕННЕРС. Молчать!

(Обращается к Ассоль.)

Говорю в последний раз. Проси прощения.

АССОЛЬ. Господин Меннерс...

МЕННЕРС. Я слушаю. Очень внимательно слушаю.

АССОЛЬ. Пожалуйста... я... я не могу...

МЕННЕРС. А ты постарайся.

Филипп подсакивает к Меннерсу, одной рукой хватая его за шиворот, другой выхватывает у него письмо. Отбрасывает Меннерса в сторону. Рыбаки тут же испуганно убегают.

МЕННЕРС. Ага, защитничек нашёлся! Ладно, вы ещё пожалеете! Оба! Уж я вам припомню!

Филипп делает движение к Меннерсу, тот вскакивает и убегает. Кричит издали «Вы ещё пожалеете!»

Филипп отдаёт конверт Ассоль.

АССОЛЬ. Спасибо, Филипп. Если бы не ты, я бы, наверное, сейчас умерла.

ФИЛИПП. Перестань. Какие глупости. Не с чего тебе тут умирать.

АССОЛЬ. Нет. Это не глупости, Филипп. Это очень-очень важно для меня. Правда!..

Достаёт пустой лист из конверта.

Здесь ничего нет... Он, всё-таки, обманул меня. Боже, зачем? Зачем ему всё это?

ФИЛИПП. Нехороший человек, этот Меннерс. Вечно соврёт и денег не возьмёт – такая у него порода. Уж я-то знаю. Вишь, и бумагу не пожалел. Хорошая бумага, белая...

Эй, ты чего это? А ну-ка хватит! Вот, не люблю я, когда бабы плачут. Не могу. Ну, его, этого Меннерса. Нашла из-за чего! Кабацкая его душонка, и дело его – кабак.

АССОЛЬ. Я не... не от этого. Прости, Филипп. Я от радости плачу. Ты не знаешь ещё, как много ты для меня сделал. Ты, ведь, не меня – надежду мою спас! Если бы ты только знал!..

ФИЛИПП. Да, ладно. Помог, и слава Богу. Чего там. Рыдать-то уж совсем ни к чему.

АССОЛЬ. Ах, не могу я тебе объяснить сейчас, но... Скоро, очень скоро ты узнаешь. Я чувствую... знаю.

ФИЛИПП. Да ты, никак, всё про корабль свой? Эх, кабы чудеса бывали, Ассоль, так любой бы поверил. Ну а так-то откуда? Сама подумай.

Вот, когда мы, бывало, с тобой говорили, так, вроде, и правда получалась. Послушаю тебя, вроде и поверю. Но потом – глядь – ан и нет! Нету чудес, и всё тут.

Я ж, вот, про корзину тогда послушал. Смотрю – и вправду расцвела! Я, понятно, бегом к мужикам нашим с этой корзиной. И что? Только они на неё дыхнули – раз, и нет ничего! Как не бывало! Смотрю сам – точно! – никогда, ничего там и не было вовсе! Морока просто какая-то, и всё тут.

АССОЛЬ. Чудес не видят те, кто в них не верит, Филипп.

ФИЛИПП. Ну... не знаю... не знаю... Колечко, вон, у тебя красивое.

АССОЛЬ. Тебе нравится? Мне тоже. Очень... Я скоро уеду, Филипп. Наверное, уеду совсем. Ты не говори никому об этом.

ФИЛИПП. Хочешь уехать? Куда же ты собралась?

АССОЛЬ. Не знаю. Всё это мне неизвестно. Я не знаю ни дня, ни часа и даже не знаю куда... Ты часто меня возил, и... На всякий случай – прощай. Спасибо тебе за всё!

Ассоль быстро обнимает Филиппа и убегает.

ФИЛИПП. Чудеса. Поди-ка пойми её. Что-то с ней сегодня... такое...

(Подходит к корзине и видит, что корзина зацвела.)

Матерь божья! Ну, опять! Ведь зацвела же!.. Зацвела же... ведь... Как же это?.. зацвела...

Матерь...

Филипп обнимает корзину. Уходит с ней, словно с ребёнком в руках.

Сцена 10. Алый «Секрет»

Раннее утро. Ассоль и Лонгрэн.

ЛОНГРЕН. Ассоль, что с тобой в последнее время? Ты не больна?

АССОЛЬ. Нет, я здорова... Мне весело. Верно, мне весело оттого, что это утро так прекрасно! А что ты надумал? Я вижу по твоему лицу, что ты что-то надумал.

ЛОНГРЕН. Что бы я ни надумал, ты поймёшь меня, я знаю. Жить нечем. Я решил поступить на местный почтовый пароход. Не волнуйся, плавания будут не долгие.

АССОЛЬ *(неожиданно резко, испуганно)*. Нет! Пожалуйста, не оставляй меня сейчас! Я не вынесу ещё и этого!

ЛОНГРЕН. Ассоль, успокойся. Расскажи, что случилось?

АССОЛЬ. Ничего... Ничего не случилось. Просто, я... очень устала.

ЛОНГРЕН. Они опять над тобой смеются? Кто это? Меннерс?

АССОЛЬ. Отец, я не знаю, что будет. Иногда мне становится так страшно жить среди людей. Они не понимают и не хотят понять то, что я чувствую. Мне становится страшно оттого, что я теряю надежду... теряю с каждым днём...

ЛОНГРЕН. Хорошо, я заложу ружьё и останусь дома ещё на несколько дней. Уж поверь, этого мне хватит, чтобы поговорить с подлецом Меннерсом по душам.

АССОЛЬ. Нет, нет! Оставь его в покое. Я вовсе не думала о нём. Просто... Ты знаешь, иногда мне кажется, что осталось подождать совсем немного! А иногда весь мир словно рушится перед глазами... Останься хотя бы на этот день, ладно? А потом... потом мы лучше вместе уедем отсюда. Куда угодно!

ЛОНГРЕН. Ассоль, милая, я не понимаю тебя. Ты говоришь – осталось подождать. Но чего? И куда мы уедем, подумай?

АССОЛЬ. Я хотела сказать... что у нас ещё есть еда и... и мы можем пока прожить спокойно несколько дней.

ЛОНГРЕН. Наверное, нам действительно придётся как-то перебраться в город. Пропадёшь ты тут среди местных пьяниц. Если мне удастся устроиться на пароход, то мы сможем потихоньку встать на ноги. А что? Снимем жильё. В городе и женихи культурные – есть из кого выбирать.

АССОЛЬ. Нет. Только не надо об этом, пожалуйста.

ЛОНГРЕН. Хорошо. Я пока молчу. Но когда-нибудь всё равно придётся об этом подумать, Ассоль. Ты уже выросла. Не век же тебе одной быть.

АССОЛЬ. А этот твой пароход... Он когда отплывает?

ЛОНГРЕН. Уже завтра. И, честно говоря, мне надо торопиться в город, пока там ещё требуются моряки.

АССОЛЬ. Хорошо. Иди. А я... я пойду провожу тебя немного.

ЛОНГРЕН. Ты у меня умница, Ассоль! Я сразу знал, что ты всё правильно поймёшь. Пойдём. Это ж будет прекрасная работа. И недолго плавать, и рядом с домом – ну что ещё надо для счастья, правда?..

Лонгрен и Ассоль уходят.

Постепенно нарастая, звучит музыка.

На сцене скапливается всё больше народа. Появляется корабль с алыми парусами..

В толпе постоянное движение, гомон. Отдельно слышны слова и фразы «Ассоль», «Не может быть!», «А паруса-то алые!», «Вот вам и Корабельная Ассоль», «Значит, это всё правда?», «А ты что, не видишь? Алые паруса!», «Может, это какая-то ошибка?», «Вот вам и Ассоль!», «А вы не верили! Видите теперь?», «А ты верил (а), что ли?», «А кто верил? КТО ВЕРИЛ-ТО?», «Хоть кто-нибудь в это мог поверить?»... При этом фоном часто повторяется на все лады имя «Ассоль».

Неожиданно все резко смолкают. Толпа расходится и замирает. В центре стоит Ассоль.

Она медленно идёт вперёд, стараясь не потерять сознание или опасаясь, что видение исчезнет. Вдруг, словно чего-то испугавшись, резко бросается вперёд и кричит.

АССОЛЬ. Я здесь, я здесь! Это я!

** Падает на колени, шепчет «это я», падает без чувств.*

Появляется Грей и с ним моряки «Секрета», в том числе Пантен, Летика, и Юнга.

Грей подходит к Ассоль. Поднимает её. Она приходит в себя.

ГРЕЙ. Ассоль! Ассоль.

АССОЛЬ. Совершенно такой.

ГРЕЙ. И ты тоже, дитя моё! Вот я и пришёл. Узнала ли ты меня?

Ассоль прячет лицо на груди Грея. Они стоят, обнявшись.

Недалеко в стороне, из общей компании матросов, выделяется пара «случайно» оказавшихся рядом людей. Это Лонгрен с котомкой и Циммер с виолончелью.

ЦИММЕР. Так, значит, это вы и есть Лонгрен, отец Ассоль?

ЛОНГРЕН. Да. Я.

ЦИММЕР. Меня уже много лет мучает один вопрос. Как вам тогда в голову пришла столь удивительная мысль – смастерить яхту с алыми парусами? Между нами говоря, мне очень понравилось – игрушка-то вышла великолепная!

ЛОНГРЕН. Так... это был... ТЫ?!

ЦИММЕР. Прости. Так уж вышло тогда...

Некоторое время смотрят друг на друга. Потом Лонгрэн протягивает Циммеру руку. Тот её пожимает. Возможно, они обнимаются.

АССОЛЬ. Ты такой... совершенно такой, как я думала... Ты... А ты возьмёшь к нам моего Лонгрена?

ГРЕЙ. Да. Конечно.

Грей и Ассоль целуются.

ЦИММЕР. О! Я вижу, музыкантам пора браться за работу! Господа!..

Дирижирует смычком, играет. Звучит торжественная музыка, переходящая в песню Ассоль, которую исполняют все присутствующие.

Идут минуты не спеша,
А годы мчатся вскачь.
Взрослеет нежная душа,
Хоть радуйся, хоть плачь...

(см. тексты песен)

ЗАНАВЕС.

На авансцене к старушке, которая внимательно вглядывается вдаль, подходят рыбаки.

1-РЫБАК. Эй, бабуля, ты что там высматриваешь?

СТАРУШКА. Не твоё дело, иди куда шёл.

2-РЫБАК. А что там такое? Ничего не вижу...

1-РЫБАК. Да я, вот, тоже не вижу.

СТАРУШКА. И я.

РЫБАКИ ВМЕСТЕ. Что?!

2-РЫБАК. Не понял!

1-РЫБАК. Абсолютно!

СТАРУШКА. Я сказала, идите отсюда, вы мне мешаете! Я, может, человека жду!
Понятно?

2-РЫБАК. Какого человека?

СТАРУШКА. Да уж получше вас будет, сорнячки несчастные.

2-РЫБАК. Может, тебе, мать, лучше это... доктора позвать?

1-РЫБАК *(другому)*. Слушай, а может, она как раз его и ждёт?..

СТАРУШКА. Я вам сейчас покажу дохтура! Я вам сейчас такого дохтура покажу, пьяницы проклятые! Я вам...

Рыбаки убегают от старухи, она гонится за ними...

Зима – весна 2008

Тексты песен к спектаклю «Алые паруса»

РЫБАКИ.

Кто сказал, что в море
Солёная вода?
Только тот, кто рому, кто рому не попил.
Кто сказал, что горе
На море и беда?
Только тот, кто в море, кто в море не ходил!

А после пива
Волна игрива,
И в белой пене с землёй венчается.
А после рома
Пора до дома,
И берег весело качается.
А после пива
Волна игрива,
Стучатся в лодку хмельные валики.
А после рома
Пора до дома,
Качает суша нас как ялики.

Ты не прячь улыбку,
И не печалься зря,
Милая рыбачка, родимая моя!
Золотую рыбку
Тебе поймаю я,
Если ты дождёшься на берегу меня!

А после пива
Волна игрива,
И в белой пене с землёй венчается.
А после рома
Пора до дома,
И берег весело качается.
А после пива
Волна игрива,
Стучатся в лодку хмельные валики.
А после рома
Пора до дома,
Качает суша нас как ялики.

ЛОНГРЕН.

Где небо встречается с морем,

А море встречается с небом.
Там Солнце в бескрайнем просторе
Плывёт за дельфинами следом.

Море сливается с небом,
Небо сливается с морем.
Если счастливым ты не был,
Счастье примчится за горем.

Под волнами звёзды сияют,
В зените челнок рыбака.
Любые печали растают,
Забудятся наверняка.

Море влюбляется в небо,
Небо влюбляется с море.
Радости ждут нас и беды,
Счастьем сменяется горе.

Чайкою парусник реет,
В море плывут облака.
Сердце надежда согреет
И сбудется наверняка.

АССОЛЬ.

Идут минуты не спеша,
А годы мчатся вскачь.
Взрослеет нежная душа,
Хоть радуйся, хоть плачь.
Хоть радуйся, хоть плачь.

И, продолжая трудный путь,
Молю я небеса,
Оставить мне на время, хоть чуть-чуть
Ту Веру в чудеса.
Лишь веру
В чудеса.

Далёкая мечта – мой талисман:
Взошла заря, и в дымке океан,
На миг затих прибой, и ярко вспыхнула роса,
В ней отразились алые, как сердце, паруса.

Алые, как сердце, паруса.

Как сердце,
Что верит и зовёт,
Как песня,

Что радость нам несёт,
Надежды тайной голоса —
Алые паруса.
Алые паруса.
Алые паруса.

СЕКРЕТ.

В морях и океанах
О славных капитанах
Слагаются легенды много лет
А нам иных не надо
Горою встать мы рады
За капитана Грея и «Секрет»

Под всеми парусами,
От блинда до бизани,
Идём по морю, словно по судьбе.
И все свои маршруты
От бака и до юта
Мы сами смело выберем себе.

Секрет
спросите у любых морей.
«Секрет» —
единственный ответ.
«Секрет» —
команды не найти дружной
И в этом весь секрет.

В морях и океанах
Бушуют ураганы,
Кидают словно щепки корабли.
То к звёздам поднимают,
То в бездну опускают,
И держатся за ванты моряки.

И твёрдой нет опоры,
И волны словно горы,
И в воду с неба рушится вода.
Раскачивает тучи
Девятый вал могучий,
И, кажется, весь мир сошёл с ума.

«Секрет»
любых штормов и бурь сильней.
«Секрет»
нас выведет на свет.
«Секрет» —

команды не найти верней
И в этом весь секрет.

ГРЕЙ.

Порой приходят грустные,
грустные минуты,
И снова я у чистого,
чистого листа.
Я к цели шёл, и я сумел
Достичь всего, чего хотел,
И жизнь моя, как в море вода, чиста,
Я к цели шёл, и я сумел
Достичь всего, чего хотел,
Но отчего же в сердце пустота?

Почему так призывно над реями
Нынче чайки кричат там и тут?
И волна так легка, и бегут облака,
Словно сердце куда-то зовут.

Я плавал по морям и океанам,
И плавать я ни сколько не устал.
Я с детства жил, мечту тая,
Стать капитаном корабля,
И ничего иного я не желал.
Я с детства жил, мечту тая,
Стать капитаном корабля,
Я цели шёл, и капитаном стал.

Почему ж так призывно над реями
Нынче чайки кричат там и тут?
И волна так легка, и бегут облака,
Словно сердце куда-то зовут.

Порой приходят грустные,
грустные минуты,
И снова я у чистого,
чистого листа.
Я к цели шёл, и я сумел
Достичь всего, чего хотел,
И жизнь моя, как в море вода, чиста,
Я к цели шёл, и я сумел
Достичь всего, чего хотел,
Но отчего же в сердце пустота?

ЦИММЕР.

Душа у девчонки свободна как птица,

Хоть волосы рвите,
Клыки обломав!
Я всё же хитрее,
А значит – сильнее!
Я просто умнее,
И значит – я прав!

ФИНАЛ.

1.

Идут минуты не спеша,
А годы мчатся вскачь.
Взрослеет нежная душа,
Хоть радуйся, хоть плачь.
В душе звучат мольба, и крик,
И шёпот в небеса:
Оставить нам ещё на миг
Ту веру в чудеса.
Лишь веру
В чудеса.
Припев.
Алеют паруса
Как солнце красное
Синеют небеса
Над нами ясные
Мы верим в чудеса
Чтоб стать прекраснее
К мечте и счастьем найти пути

Желаний голоса
С Землёй вращаются
Влюблённые сердца
Всегда встречаются
Алеют паруса
Мечты сбываются
Как эти алые паруса.

2.

Мечта в душе – наш талисман.
Сквозь горы и леса
Ведёт она, сквозь океан,
Как яхту паруса.
Как яхту паруса.
И сердце, верит и зовёт,
И в самых сладких снах
Надежда радость нам несёт,
На полных парусах.

Волшебных парусах...
Припев.
Алеют паруса
Как солнце красное
Синеют небеса
Над нами ясные
Мы верим в чудеса
Чтоб стать прекраснее
К мечте и счастьем найти пути
Желаний голоса
С Землёй вращаются
Влюблённые сердца
Всегда встречаются
Алеют паруса
Мечты сбываются
Как эти алые паруса.

Гробовщик

пьеса в одном акте по мотивам повести А.С.Пушкина

Действующие лица:

Адриан Прохорович Прохоров, гробовщик.
Аксинья, его работница (*тайно влюблена в Адриана*).
Дарья, его старшая дочь.
Акулина, его младшая дочь.
Купчиха Трюхина.
Священник.
Шульц Готлиб, сапожник, немец.
Луиза, его жена, немка.
Лотхен, его дочь, немка.
Юрко, будочник, младший полицейский чин.
Булочник Иоганн, немец.
Денщик.
Отставной Бригадир, мертвец.
Бедняк Шабашкин Антон Панфутыч, мертвец.
Курилкин Петр Петрович, скелет.

Гости Шульца.
Мертвецы.

Места действия:

На кладбище.
Дома у Адриана.
В гостиной у Шульца.
В гостиной у купчихи Трюхиной.

Похороны отставного бригадира

Похоронная процессия у могилы. Грохот грома. Вспышки молнии. Ощущение приближающегося ливня.

АДРИЯН. Батюшка, нельзя ли сегодня поскорее? Не ровен час, промокнем.

СВЯЩЕННИК. Побойся бога, сын мой, усопшему дань воздать надлежит честь по чести. Ужель промокшая рубаха твоя важнее упокоения души человеческой?

АДРИЯН. Кабы только моя рубаха, уж я бы молчал.

СВЯЩЕННИК. Да что ж за беда-то? Чай, не сахарные.

АДРИЯН. Помилуй, отец, а то ты не знаешь! У меня ж тут одних мантий да шляп напрокат взяли рублей на 50! Шляпы ж бумажные – не приведи господь под ливень попасть – сплошное разорение! Мантии сузятся – кто их потом наденет? Опять же гроб заказали крашенный, на обивочку поскупились, а краска, даром что немецкая, на воду не рассчитана. (Слава богу, хоть закопать успели)...

Раскат грома.

СВЯЩЕННИК. Уймись ты, Адриан, ради Христа. До того ли сейчас? В такой день!

АДРИЯН (*про себя*). А что день? День как день. Самый обыкновенный.

(*Священнику.*) Вот, разве только дождь может хлынуть в любой момент. Вы уж, батюшка, поспешите... А то ж не приведи господь...

(*Молится в голос.*) Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас. Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас...

Народ начинает повторять:

Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас.

СВЯЩЕННИК. Тьфу... ты об чём молишься-то, Ирод?..

(*Громко.*) Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Народ повторяет:

Слава Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Грохот грома.

СВЯЩЕННИК (*откашлявшись*). Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущий на ней. Той на морях основал ю есть, и на реках уготовал ю есть. Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его? Неповинен рукама и чист сердцем, иже не прият всуе душу свою, и не клятся лестию искреннему своему...

Гром. Нарастающий шум дождя.

СВЯЩЕННИК. Сей примет благословение от Господа, и милостыню от Бога, Спаса своего. Сей род ищущих Господа, ищущих лице...

АДРИЯН (*перекрикивая священника и шум дождя*). Воля ваша, батюшка, а надо бы поспешать! Сейчас польёт как из ведра...

СВЯЩЕННИК. Кхе... Возмите врата князи ваша, и возमितесь врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть... кто есть сей... Царь...

АДРИЯН (*кричит*). Полно уж, святой отец! Всё одно ничего не слышать!

СВЯЩЕННИК. Да уймись же ты, окаянный!..

Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, поми-и-и-луй.

Народ повторяет.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Ду-у-уху.

Народ повторяет.

И ныне, и присно, и во веки веков. Ами-и-инь.

Гром, молния, темнота.

Дома

Адриян и Аксинья. Адриан задумчиво пьёт чай. Кругом гробы, вперемежку с наспех расставленной мебелью. Некоторое время молчат. Из «соседней комнаты» временами доносится девичий смех.

АКСИНЬЯ. Гляжу я на тебя, батюшка, Адриан Прохорович, всё-то ты грустить изволишь.

АДРИЯН. А чему радоваться-то прикажешь?

АКСИНЬЯ. Вот, чудной. Видать, чему люди рады, то тебе в тягость.

АДРИЯН. Эка ты дура, Аксинья! В тягость!

Я тоже не злодей какой! Но когда у нас за две недели только одни похороны, это ж совсем не порядок. Глядишь, по миру пойдём... Дождь этот ещё – уж как был некстати! Все гробовые наряды испортил... Кругом одни убытки.

АКСИНЬЯ. Что ты, батюшка! Я уж о ремесле твоём не заикаюсь. Дак ведь ты и новому дому будто не рад! Шутка ли – такой дом купить изволил! Не в пример старой лачуге. Тут бы радоваться, да на новоселье народ созывать, а ты ходишь тучей. Дочки твои, вон, праздника ждут, а не похорон.

АДРИЯН. Но-но! Будут похороны, будет и праздник. Что тут тебе непонятного?.. Поди лучше, узнай, как там у них вывеска, готова ли? Что-то долго пишут.

АКСИНЬЯ. Дак, стараются, видать. Для нового дома-то покрасивше выводят.

АДРИЯН. Долго, долго уже! Полдни без вывески сидим. Поди, подгони.

Аксинья уходит.

АДРИЯН (*один, листает потрепанный бухгалтерский журнал*). Подгони-подгони... Кабы можно было ещё кого подогнуть. Вот чего иным неймётся? – уж и ноги не ходят, и кусок в горло не лезет, а всё одно – упираются, не желают... того... отдохнуть уже. Всё выжидают чего-то. А чего, спрашивается?

Отставной бригадир, вон, дождался, что его под дождём хоронили. Да и ладно, если б только дождь! А то ж всё наследство на докторов извёл, до осени дотянул, да без обивки так и поехал. Хорош гусь! А, ведь, ещё каким приятелем был! Нет. Обо мне никто не думает...

Вот, Шабашкин Антон Панфутыч... опять же, друг детства. До того довёл, что даром хоронили. Ни копейки за душой не оставил, шельмец. А я что – злодей какой, что ли? Мне куда деваться прикажешь? Всю жизнь от своей же доброты страдаю, и хоть бы кто спасибо сказал.

Аксинья вносит большую фанерную вывеску. Ярко раскрашенную. Перед надписью изображён «дородный Амур с опрокинутым факелом в руке».

АКСИНЬЯ. Вот, батюшка, Адриан Прохорович, изволь взглянуть! Дочки-то твои как славно малюют! Красота, право!

АДРИЯН. А что написали-то?!

АКСИНЬЯ. Что просил, батюшка, то и написали. Разве не так?

АДРИЯН. Ты, Аксинья, помолчала бы. Больно грамотная.

АКСИНЬЯ. А хоть бы и грамотная! Я, Адриан Прохорович, слава богу, сызмальства грамоте обучена. Наш барин-то, покойный Василь Кирилыч, большой пресвятитель был, прости господи! Всех крестьянских детей грамоте обучал, чтобы стихи егонные читать могли. Эдак, встамши на тубареточку-с.

АДРИЯН. Экий ты вздор несёшь, Аксинья. Ну-к, прочти, что написано... Что молчишь-то?

АКСИНЬЯ. Так сперва ж про себя надобно...

Вот: (*С важным видом.*)

«Здесь продаются и обиваются гробы простые и крашенные.»

АДРИЯН. Это так. Но далее я просил написать: «отдаются напрокат и починяются старые».

АКСИНЬЯ. И починяются старые... кто? Гробы?

Они самые. Разве это непонятно?

АКСИНЬЯ. Да нет, батюшка, оно понятно, конечно, понятно... Только... откуда ж они возьмутся, старые гробы-то?

АДРИЯН. Хм... Вот, дура! Ступай, скажи, чтоб строчку дописали как надо. А до другого тебе дела нет. Ступай, говорю!

Адриан снова утыкается в свой журнал.

АКСИНЬЯ. Воля ваша, Адриан Прохорович. Отдаются напрокат и починяются старые... отдаются напрокат и починяются старые...

АДРИЯН. погоди... Ты, часом, не слыхала, каково поживает купчиха Трюхина? Что люди говорят о ней?

АКСИНЬЯ. Трюхина? А мне-то какое дело? Ну, говорят, больна, дак, она уж год как больна. Это, батюшка, не новость. И дай-то бог ей здоровья. А вот ты, батюшка, чем о купчихе заботиться на старости лет, лучше б о дочерях подумал! У купчихи, чай, свои родственники имеются.

АДРИЯН (*что-то пометая в журнале*). Да вроде есть один племянник... А что дочери? Разве чем обижены?

АКСИНЬЯ. Как же не обижены, когда в новый дом въехали, а новоселие справить не желаем! Девки молодые взаперти сидят – ни гостей тебе, ни праздника! А соседи новые что скажут? Разве так делается? Страм, да и только!

АДРИЯН. Но-но, Аксиныя! Ты говори, да не заговаривайся! А то, гляжу, и впрямь больно грамотная стала!.. Праздника им подавай... Вот, бабы...

Достаёт икатулку. Неуверенно вынимает оттуда пару купюр.

Вот! Смотри, дура! Вишь? Специально на новоселье припас! Иль ты думала, я не понимаю? Или я злодей какой? Ан, нет! У меня всё чин по чину, да только – чу! – всему свой срок и своё время.

Убирает деньги обратно в икатулку.

Это у вас, у баб, все просто. А мне ещё подумать надо, да посчитать, поняла? Может, завтра справим, а может, и днём позже. То не твоя забота, слава богу... Теперь ступай уже, да про надпись не забудь.

АКСИНЬЯ (*радостно*). Помню, батюшка, а как же! Отдаются напрокат и починяются старые... Всё как есть помню, Адриан Прохорович. Уж прости, благодетель. Всё помню.

АДРИЯН. Да ступай ты уже, господи! Никакого покою...

Аксиныя уходит. Адриан пытается спрятать икатулку в куда-нибудь другое место, но не успевает. Стук в дверь.

Приглашение на серебряную свадьбу

Аксинья уходит. Адриан со шкатулкой в руках. Стук в дверь.

АДРИЯН. Вот нелёгкая!.. Аксинья! Кого там ещё принесло? Открой!

(Себе.) Неужель, наконец, от Трюхиной? И то верно! Давно пора бы...

Входит Шульц. Говорит с лёгким немецким акцентом.

ШУЛЬЦ. Извините, любезный сосед, что я вам помешал... Я желал поскорее с вами познакомиться. Я сапожник, имя моё Готтлиб Шульц. Живу от вас через улицу, в этом домике, что против ваших окошек.

АДРИЯН. Прошу, проходите. Будем знакомы. Я Адриан Прохоров. Гробовых дел мастер.

ШУЛЬЦ. Очень приятно, дорогой Адриан. Очень приятно. Завтра я праздную мою серебряную свадьбу, и прошу вас отобедать у меня по-приятельски.

АДРИЯН. Благодарствую, ваша милость. Приду всенепременно. А покуда, вот, присаживайтесь, чайку откушать.

ШУЛЬЦ. О, нет, прошу вас, Адриан, не извольте беспокоиться. Мне теперь недосуг – много забот по приготовлению праздника.

АДРИЯН. Да. Это я понимаю. Верно, нынче такие дела недёшевы? *(Смотрит на шкатулку.)*

ШУЛЬЦ. Э-хе-хе... недёшевы, что и говорить, любезный.

АДРИЯН. Да... А какво торгует ваша милость?

ШУЛЬЦ. И так и сяк. Пожаловаться не могу. Хоть, конечно, мой товар не то, что ваш: живой без сапог обойдётся, а мёртвый без гроба не живёт.

АДРИЯН. Сущая правда! Однако ж, если живому не на что купить сапог, то, не прогневайся, ходит он и босой; а вот нищий мертвец и даром берёт себе гроб.

ШУЛЬЦ. О! Даром? Я того не знал... у вас очень непростое ремесло, любезный сосед... Да... Непростое... Нынче стало так много нищих...

АДРИЯН. Э-э. Не то слово! Каждый так и норовит... Ну вы, я вижу, человек понимающий. Чего вам объяснять.

ШУЛЬЦ. Да... Я понимаю... Я... я-я... Так вы уж приходите, не забудьте.

АДРИЯН. Всенепременно, дорогой Шульц.

ШУЛЬЦ. В таком случае, до завтра, дорогой Адриан.

Адриан провожает Шульца до двери.

АДРИЯН. До завтра, дорогой Шульц. Премного благодарен вашей милости.

Шульц уходит.

АДРИЯН. Вот те и «я-я»... Но это, верно, полезное знакомство. Дарья! Акулина! Что вы там копаетесь? Быстро идите сюда!

Являются дочери Адриана Дарья и Акулина. С ними и Аксинья.

Дочки словно художницы в фартуках, измазаны красками.

АДРИЯН. Ну что, живописецы, готово?

АКУЛИНА. Там, батюшка, на табличке места маловато. Может, мы не будем про старые гробы-то писать?

ДАРЬЯ. Табличка такая красивая вышла. Куда ж ещё больше?

АДРИЯН. Ой, ой... развели тут художества... Это всё ваш глупый Амурчик место занял. Распустили мне нюни вместо объявления. Коли доска мала, берите, вон, хоть это *(Стучит по крышке гроба)*. Всё одно брак – по размеру не подошёл.

АКСИНЬЯ. Господь с тобой! Неужто целый гроб у ворот повесишь? Ополоумел совсем?

АДРИЯН. О! Акси́нья! Да ты молодец! Дура-дурой, а как славно придумала! Целый гроб! Ей-богу, славно! Для такого дела не жалко! На нём всё и напишем. А что? Такого ещё ни у кого не бывало, верно? Сразу заметят! А? Чего молчите?

ДАРЬЯ. Я, вот, думаю, поместится и на табличке. Акулина, скажи. Чего нам заново-то писать? Там уж всё почти готово.

АКУЛИНА. А я-то что? Я как раз и говорю, что поместится, только места, говорю, мало-вато, а так поместится, конечно! Чего там!

АДРИЯН. Не-е... Мне теперь на гробе больше нравится... Вот, ежели, скажем, кто читать не умеет – что ему ваша табличка? Плюнет, да мимо пройдёт.

АКСИ́НЬЯ. А так все прям и побегут к тебе, коли гроб повесишь! Совсем батюшка сбрендил на старости лет.

АДРИЯН. Побегут – не побегут, а заприметят сразу. И, как времечко придёт, так наш гроб и вспомнится. Ко мне пойдут, а не к кому другому... Да и что тебе объяснять – ты баба тёмная, а тут наука сурьёзная... Всё, дочки, бросайте это дело. Пустое. После гроб распишем.

АКУЛИНА. Да как же, батюшка!..

ДАРЬЯ. Мы же столько старались...

АДРИЯН. Цыц! После, я сказал! Покуда – готовьте наряды. Завтра к соседу идём. На приём.

АКСИ́НЬЯ. Это к немцу, что ли?

АДРИЯН. К нему. На серебряную свадьбу пригласить изволил.

Дочки визжат в диком восторге. Убегают.

АКСИ́НЬЯ. Немец, вон, твой, хоть и сапожник, да сапоги на воротах не вешает.

АДРИЯН. Пóлно, Акси́нья. Сама ж первая придумала, а теперь и недовольна.

АКСИ́НЬЯ. Дак я ж наоборот! Господи, угораздило же сказать такое...

АДРИЯН. И славно, что сказала! Всё. Об этом после.

Сейчас я еду к купчихе Трюхиной. Верно, к вечеру обернусь. Так ты это – помоги пока дочкам собраться. Что б всё по высшему чину смотрелось. Поняла? Дело важное.

АКСИ́НЬЯ. Дак, поняла... А чего ж это, к Трюхиной-то?

АДРИЯН. Значит так надо. Дело есть... А ты не стой, не стой. Иди дочками занимайся.

Уходит.

АКСИ́НЬЯ. Нет, ты глянь, что творится! Только новый дом купил, сразу по бабам пошёл. Право слово, седина в бороду, бес в ребро... Трюхина! Это ж надо? Тьфу... Да, вишь, другие хоть гробы на воротах не вешают! Этот же совсем уже, прости господи. Надо ж такое удумать... Ещё говорит, я у него молодец! Тьфу!

Уходит, причитая.

У купчихи Трюхиной

Купчиха не старая, но измождена долгой болезнью. Разговор часто прерывается её кашлем и пожеланием здоровья со стороны Адрияна.

КУПЧИХА. Адриян? Здравствуй, голубчик. Слыхала, ты переехал? Далеко ли?

АДРИЯН. На Никитскую.

КУПЧИХА. О! Это хорошо. И как дом? Большой? Новоселье, верно, справлять будете?

АДРИЯН. Куда там, справлять! Уж больно велики расходы, матушка. Дом, хоть и не большой, да денег стоит. И место, вроде, хорошее, да клиентов мало.

КУПЧИХА. Это ничего. Обустроись. А чего пришёл-то, коли на праздник не зовёшь?

АДРИЯН. Так, вот, справиться о здоровье.

КУПЧИХА. Здоровье? Сам видишь, какое здоровье. Чахотка проклятая замучила. Наши лекари только обирают как липку, а пользы никакой... Тут, кстати, один известный француз на три дня приехал. У него, говорят, хорошее средство есть, да только у меня сейчас нет таких денег.

АДРИЯН. Что ж, так дорого?

КУПЧИХА. Дорого-недорого, да не хватает малости. У меня ж как раз всё на товар ушло. Может, ты, Адриян, чего купишь? Или займы дашь? Верить ли, я как заболела, так все друзья словно испарились. Даже занять не у кого.

АДРИЯН. Да, откуда же деньги взять, матушка! У тебя чахотка, у меня переезд. Заказов нету. Если б мог, то помог бы, чего там! Здоровье, оно, конечно, дороже.

КУПЧИХА. Это похвально, Адриян, что ты о здоровье моём печёшься. Похвально... Но ежели ты думаешь, что ткань у меня подешевеет, то не надейся. И с меня, голубчик, мануфактура дерёт в три дорога. Никакой жалости к больному человеку. Ты уж там своим клиентам объясни. Пущай понимают. Дело, мол, у тебя такое, что экономить грех... Это ж не каждый день бывает!

АДРИЯН. Твоя правда, матушка.

КУПЧИХА. Ты сам, Адриян, верно, дела не смыслишь, от того и дело стоит. Я б на твоём месте уж давно не сатином, а бархатом гробы обивала. Глядишь, и клиент бы серьёзней пошёл.

А бархат, к слову, у меня нынче роскошный. Тебе, голубчик, по старому знакомству могла б и уступить в цене-то.

АДРИЯН. Премного благодарен. Только теперь не могу. Заказов-то нету. Да и народ, матушка, неразумный пошёл. Все в последний момент спохватываются, когда уж и спохватываться поздно. Я, признаюсь, даже задумываться стал о странностях человеческой породы.

КУПЧИХА. Да бог с тобой, голубчик. Об чём же таком ты задумался?

АДРИЯН. Да вот, скажем, люди на чёрный день откладывают деньги, не жалеют. Стало быть, заранее допускают, что такой день может случиться. А ведь это ещё неизвестно как случится! Ведь бывает, живёт себе человек, а с ним ничего и не случается. Верно же?

Но странное дело – предложи только кому заранее гроб заказать, так ведь ни за что не соглашаются! Как на злодея смотрят! Хотя здесь-то уж точно известно, что гроб обязательно потом пригодится. Разве не так?

КУПЧИХА. Так-то оно так... Но... Кому ж охота...

АДРИЯН. А я ж не злодей какой. Я ж, матушка, предлагаю как лучше. Чтобы потом родственники часом не обманули. Чтобы уже человек спокоен был. Опять же, и платить всё сразу не обязательно! Сегодня денег нет, завтра будут. Я ж понимаю... Чем, вон, на неизвестные лекарства тратиться, лучше бы уж на то, что всегда потом пригодится...

КУПЧИХА. Погоди... Ты о чём это?..

АДРИЯН. Я это... я ж могу и с бархатом сделать. Заранее-то можно как угодно договариваться. Зато гроб лучше всех будет, право слово! А? И в цене могу уступить...

КУПЧИХА. А ну вон! Вон отсюда! Мерзавец! А я ему ещё скидки делала!.. И чтобы духу твоего здесь не было! Слышишь?!

АДРИЯН. За что же, матушка! Уж ты-то деловой человек, а понять не можешь...

КУПЧИХА. Вон, я сказала! И слушать не желаю!..

АДРИЯН. Что ж... прощевайте, коли так.

Адриан уходит. Купчиха кашляет.

КУПЧИХА. Каков подлец!..

На серебряной свадьбе у Шульца

«Тесная квартирка Шульца наполнена гостями, большей частью немцами-ремесленниками, с их жёнами и подмастерьями».

*Хозяйева: Шульц, его жена Луиза, их дочь Лотхен,
Из гостей один русский – Юрко (будочник-охранник у Никитских ворот).*

Праздник в формате фуршета. Стулья отсутствуют. Стол немного в глубине. Возле него, или за ним, возможно некое возвышение, с которого будут объявляться тосты.

Общий гомон преимущественно на немецком языке. Отдельные диалоги происходят на переднем плане, в стороне от стола.

Луиза и Лотхен в дальнейшем дежурят у стола по очереди, либо одновременно.

Шульц и Луиза приглашают шумную компанию к столу. Лотхен у стола разливает вино по бокалам.

ШУЛЬЦ. Willkommen! Willkommen, teure Gäste! Проходите, гости дорогие! Проходите, не стесняйтесь.

Гости направляются к столу. Юрко немного в стороне ото всех.

Входит Булочник Иоган.

БУЛОЧНИК. Meine Achtung! Guten Tag!

ШУЛЬЦ. Guten Tag, Johann!

ЛУИЗА. Guten Tag! Sie gehen, bitte. (Зи гейн битте.)

Шульц и Луиза отходят к столу.

ЮРКО. О-о, Ёхан! Здорова, брат! Давненько тебя не видел!

БУЛОЧНИК. Ja! Много дела стало! Время совсем нету.

ЮРКО. А меня, вишь, тоже позвали. Очень приятно, знаешь ли. Только вот хожу теперь средь вашего брата и ни черта не понимаю...

ЛОТХЕН (*подходит к ним*). Ich bitte zum Tisch.

ЮРКО. Ага...

БУЛОЧНИК. Danke!

ЮРКО. Что говорит? Пора, что ль? Это гуд!.. А дочка-то у них подросла! Смотрю, невеста уже!

БУЛОЧНИК. Да, так. Верно, скоро так будет. Ja.

Отходят к столу.

Входит гробовщик с дочерьми Дарьей и Акулиной. Дочери Адрияна наряжены в «европейские наряды», в жёлтых шляпках и красных бабашках. Сам Адриан в русском кафтане.

Шульц и Луиза устремляются навстречу.

ШУЛЬЦ. О! Любезный сосед! Добро пожаловать!.. Дамы, прошу... Моё имя Готлиб Шульц. Это моя супруга Луиза. Прошу, знакомиться.

Дамы делают книксены.

АДРИЯН. Адриан Прохоров. Это мои дочери – Дарья и Акулина.

ЛУИЗА. Очень приятно. Ви будете хороший компания нашей Лотхен.

ШУЛЬЦ (*громко*). Господа, позвольте представить. Это Адриан, наш новый сосед. Гробовой мастер. Sehr pöbtiger Mensch! (*Адрияну*.) Прошу! Willkommen!

Адриан с Шульцем идут к столу.

Луиза и Дарья с Акулиной остаются в стороне. К ним подходит Лотхен, повинуясь жесту Луизы.

ЛУИЗА. Позвольте представлять. Майн дочь Лотхен.

АКУЛИНА. Акулина.

ДАРЬЯ. Дарья.

ЛОТХЕН. Es ist sehr angenehm!

Луиза отходит к столу.

ДАРЬЯ. Сегодня замечательная погода, не правда ли?

ЛОТХЕН. Ohh, ja! Natürlich! Осень – это хорошо! Я есть большой любитель!

АКУЛИНА. О, я тоже люблю поесть! Иногда, знаете, так тянет на сладкое...

ШУЛЬЦ. Дамы и господа! Прошу внимания! Предлагаю тост за здоровье моей доброй Луизы!

Шульц целует Луизу. Все шумно аплодируют и выпивают.

ЛОТХЕН. Хм... Сладкое... Что есть «сладкое»?

АКУЛИНА. А чего его не есть-то, ежели вкусно!

ДАРЬЯ. Акулина, помолчи. Лотхен, моя сестра хочет сказать, что у вас очень мило.

Хорошо!

ЛОТХЕН. Ohh, хорошо! Danke! Хорошо! Я прошу проходить угощаться!

Дамы идут к столу.

ШУЛЬЦ. А теперь – За здоровье любезных гостей моих!

Адриан отходит от стола. В одной руке у него графинчик с водкой, в другой рюмка.

К нему подходит Юрко с рюмкой.

В процессе разговора, графинчик нещадно опустошается независимо от тостов.

Позже к ним ненадолго присоединяется Булочник.

ЮРКО. Адриан? Их, это, бин Юрко.

АДРИАН. А... Гуд... Юрко, ага. А я, это... Адриан я.

ЮРКО. Я-а-а! Я понял! Ты это... как его... *(Изображает руками прямоугольник и крестится.)*

АДРИАН. Чего? Не... я – это... *(Изображает, что держит тяжесть на плече.)* ...гробовщик.

ЮРКО. Да ты русский, что ли?

АДРИАН. Да.

ЮРКО. Тьфу! То-то я смотрю, вроде, одет по-нашему! А я – Юрко, будочник. У Никитских ворот в будке охраняю. Может, видал?..

О, а это мой приятель – Ёхан. Знакомься. Ёхан – легко запомнить. У него булочная тут на Никитской.

АДРИАН. О! Булочная? Рад познакомиться!

БУЛОЧНИК. Иоган.

АДРИАН. Очень приятно, господин Ёхан. Адриан.

БУЛОЧНИК. Дбннэр вэттэр...

АДРИАН. Чего?

БУЛОЧНИК. И-о-ганн!

АДРИАН. Ну да, Ё-ханн. А я – А-дри-янн.

БУЛОЧНИК. Доннэр вэттэр.

Булочник, недовольно кивнув, отходит.

ЮРКО. Не обращай внимания – ворчит чего-то, да и пусть его ворчит. Ты, Адриан, когда будешь проходить у Никитских ворот, так заглядывай теперь. По-приятельски. Поболтаем.

АДРИАН. Всенепременно! Только, ежели с похоронами мимо пойду, дак не обессудь – уж останавливаться не буду. Работа.

ЮРКО. Понимаю, брат.

ОДИН ИЗ ГОСТЕЙ. Дамы и господа! Я поднимаю этот бокал за здоровье всей Москвы! Ура!

Все кричат «ура». Адриан и Юрко идут к столу.

Их место занимают Булочник и Дарья.

БУЛОЧНИК. У вас чудесное платье, фройляйн!

ДАРЬЯ. Благодарю.

БУЛОЧНИК. Я могу просить мой друг-портной. Он сделает вам ещё лучше! Он очень хороший портной.

ДАРЬЯ. Я, право, не знаю. Мне надо посоветоваться с батюшкой.

БУЛОЧНИК. Я могу просить мой друг шить бесплатно. Это я хочу дарить вам.

ДАРЬЯ. Вот ещё! С чего вдруг? Я бесплатно не возьму!

БУЛОЧНИК. Почему? У вас так много денег?

ДАРЬЯ. Да. Много... Акулина! Акулина, поди сюда! Это моя сестра, Акулина.

АКУЛИНА (подходит). Что?

ДАРЬЯ. Ничего. Сколько можно есть?.. Вот, знакомься. Это булочник.

АКУЛИНА. Ой! Булочник! Как я рада!

БУЛОЧНИК. И-о-ганн.

АКУЛИНА (протягивая руку). И-о... как?

ДАРЬЯ. Иоган!

БУЛОЧНИК. Очень приятно! (*Целует руку Дарье.*) Данке! Так вы подумайте о платье, фройляйн Дарья. Подумайте.

Отходит.

Акулина остаётся с протянутой рукой для поцелуя.

АКУЛИНА. Станный какой-то. Он с кем знакомился-то?

ДАРЬЯ. Да что с них взять... Иностранцы...

АДРИЯН. Господа! Предлагаю выпить за здоровье всех мастеров!

Все радостно принимают тост и начинают друг другу клянутся, чокаясь.

ДАРЬЯ. Вот! Видала? Экий тост батюшка высказал – знай наших!

АКУЛИНА. Да. Видать, всем понравилось. Только, не много ли батюшка водочки принял? Боюсь, как бы не разбушевался.

ДАРЬЯ. Это верно. За вами обоими глаз да глаз нужен.

АКУЛИНА. А я-то причём?

ДАРЬЯ. Да тебе только дай волю – будешь есть, покуда не лопнешь... Ладно, идём. Попробуем его от стола отвести.

Идут к столу. На место объявления тостов тем временем взбирается булочник.

БУЛОЧНИК. Господа мастера и подмастерья! Хочу поднимать бокал за здоровье тех, на кого мы работаем, unserer Kundleute!

Очередной тост воспринимается публикой также радостно, как и все предыдущие.

От стола дочери отводят уже довольно выпившего Адриана. С ними, держась за Адриана, такой же Юрко. Оба с рюмками.

ЮРКО. Адриан, ты слышал, что Ёхан сказал? За здоровье наших клиентов!

АДРИЯН (повторяет с готовностью, не задумываясь). За здоровье наших клиентов!

Чокаются. Юрко вдруг начинает давиться от смеха. Сперва его поддерживают и Адриан с дочерью, не понимая причину смеха.

ЮРКО (сквозь смех). Ёханный... Ёхан...

(Громко всем.) Господа! Однако премилый анекдот вышел! Наш Адриан-то пьёт за здоровье своих мертвецов! А?

Ну, что же ты, батюшка, стал? Пей!!!

Все весело смеются. Кроме Адрияна и его дочерей. Юрко чокается с неподвижным Адрияном, весело выпивает, запрокинув голову, отчего тут же теряет равновесие и падает на руки подоспевших гостей. Юрко окружают, поднимают, ведут под руки к столу. В этой суете никто не замечает Адрияна, абсолютно застывшего с грустной миной на лице и с рюмкой в руке.

Дочери также стоят парочкой отдельно, со страхом глаза то на Адрияна, то на всех остальных.

Адриян начинает говорить. В процессе его монолога картина меняется, гости исчезают.

В финале монолога Адриян оказывается у себя дома. Аксинья помогает ему снять праздничный кафтан, сапоги и проч. (Возможно, Адриян пару раз неожиданно прерывается и засыпает на несколько секунд в разных местах и позах, затем резко приходит в себя и продолжает говорить порой даже чересчур бодро, до следующей неожиданной остановки на короткий сон.)

АДРИЯН. Что ж это, в самом деле? Чем ремесло моё нечестнее прочих? Разве гробовщик брат палачу? Чему смеются басурмане?!!

Сперва на себя оборотились бы лучше! Кто вы, да что вы сами-то?! Чего ради суетитесь на белом свете?

Вечно мните из себя невесть что. Мол, дела у всех важные, не дай бог! А как срок придёт, так и все дела выходят ни к чему.

Всего-то и дел, что один в сатине, другой в бархате – велика разница! Смех. Вот уж смех, да и только!..

Я бы и сам посмеялся, кабы злодеем был.

Да вам того не понять. Вы ж предо мной словно дети малые, так и стбит ли вам объяснять чего? Когда поймёте – ко мне придёте, да уж поздно будет...

Что ж это, люди, творится-то! Чем ремесло моё вам неуютно? Разве гробовщик вам злодей какой? Или вам гробовщик – гаер святочный? Чему, чему смеётесь?

Хотелось было мне позвать всех на новоселье, задать вам пир горой: ин не бывать же тому! Не бывать! Маловаты вы, детки, для праздников. Сидите тут? – вот и сидите далее, смейтесь вздорным пустякам своим.

А созову я тех, кто теперь меня ценит! Кто меня понимает! Своих созову! Тех, на кого я работаю! Созову мертвецов православных! Вот!

К этому моменту гробовщик уже дома. Сидит у стола с ночным колпаком в руках. Аксинья стягивает с него второй сапог.

АКСИНЬЯ. Что ты, батюшка! Что ты это городишь? Перекрестись! Созывать мёртвых на новоселье! Экая страсть!

АДРИЯН. Ей богу созову! И на завтрашний же день. Милости просим, мои благодетели, завтра вечером у меня попить; угощу, чем бог послал.

Адриян натягивает на глаза колпак и тут же, сидя за столом, засыпает. Аксинья пытается его разбудить или сдвинуть с места – бесполезно.

АКСИНЬЯ. Вот, нагрузился-то батюшка... То годами без праздников сидим, то на тебе – повеселился. Уж не знаешь чего и лучше.

Махнув рукой, уходит, ворча, с Адрияновым кафтаном и сапогами.

Похороны купчихи Трюхиной

С уходом Аксиньи быстро темнеет. Адрян спит. За окном воет ветер. Раздаётся настойчивый стук в дверь. Адрян ворчит что-то невнятное, стук повторяется, Адрян с трудом поднимается, в это время входит почти спиной Аксинья, пытаясь не пустить гостя, за ней денщик племянника Трюхиной.

АКСИНЬЯ. Нельзя, нельзя. Хозяин почивать изволит.

ДЕНЩИК. Велено разбудить.

АКСИНЬЯ. Да куды ж ты... Нельзя, говорю...

АДРИЯН. Что вам угодно?

ДЕНЩИК. Вы Адрян Прохоров? Я послан к вам по важному делу от Петра Савельича.

АДРИЯН (*пытается вспомнить, кто это*). Петра... Савельича?

ДЕНЩИК. От него самого. Он просил вас ехать со мной сейчас.

АДРИЯН. Да что ж за дело-то такое?

ДЕНЩИК. Дак, известное дело... Тётушка его, Лизавета Егоровна Трюхина, вчерась померла же...

АКСИНЬЯ. Купчиха?.. Господи, да как же это? А батюшка к ней только вчера ездил!

ДЕНЩИК. Я про то не ведаю. Может и ездил. Только к вечеру померла.

АКСИНЬЯ. Батюшки-святы! Как же это?..

АДРИЯН. Полно причитать, Аксинья, сапоги давай! (*Денищику.*) А ты ступай, передай барину, что я скоро буду сам на извозчике. Скажи, что гроб, свечи, покров и все, что надо доставлю в исправности. Все будет улажено как надо, и лишнего я не возьму, пушай за то не волнуется... И на вот от меня тебе на водку. Ступай.

Денщик уходит. Аксинья приносит сапоги. Адрян обувается.

Вот ведь как чувствовал! Ну, Трюхина... ведь и слушать не хотела! Вон прогнала! А у меня-то глаз намётанный. Я ж тут не просто так!.. Хорошо, хоть запас имеется.

АКСИНЬЯ. Дак, что ж теперь? Дочерей будить?

АДРИЯН. Не надо. Сам управлюсь. Иди извозчика найми. Тут легко теперь – за углом на площади стоят.

АКСИНЬЯ. Ага. Я мигом! Ой, господи, это ж надо...

Аксинья уходит.

АДРИЯН. И чего распричиталась? Словно родню хоронит.

Аксинья возвращается.

АКСИНЬЯ. Вы, батюшка, только не это... держитесь. Ничего не поделаешь. Всяко бывает.

АДРИЯН. Помилуй, Аксинья! Что такого стряслось-то?

АКСИНЬЯ. Я ж понимаю. Я всё понимаю, батюшка. Любимая женщина... Но бог – он же видит! Право, грех говорить – но, может, оно и к лучшему...

АДРИЯН. Какая ещё женщина, дура! Что ты себе придумала? Ступай за извозчиком быстрее! Скажи, на целый день беру, да сторгуйся недорого. И выкини глупости из головы!

Аксинья уходит.

АДРИЯН. Вот, бабы! Что в голову втемяшится – ничем потом не выбьешь...

Адрян берёт гроб (возможно, тот же, который ранее называл «браком»), взваливает его на себя, и с ним уходит вслед за Аксиньей.

Похоронная процессия у могилы. Почти также как вначале пьесы, только без дождя.

СВЯЩЕННИК. Господня земля, и исполнение ея, вселенная и вси живущий на ней. Той на морях основал ю есть, и на реках уготовал ю есть. Кто взыдет на гору Господню? Или кто станет на месте святем Его?..

Адриан устало усаживается на ящик, камень и т. п. (либо прислоняется к чему-нибудь и дремлет стоя). Священник прерывается, удивлённо глядя на него.

АДРИАН (бодро). Продолжай, отец, я ничего. Я не мешаю.

СВЯЩЕННИК. ...Неповинен рукама и чист сердцем, иже не прият всеу душу свою, и не клятса лестию искреннему своему. Сей примет благословение от Господа, и милостыню от Бога, Спаса своего. Сей род ищущих Господа, ищущих лице Бога Иаковля...

Адриан храпит.

СВЯЩЕННИК (громче). Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь крепок и силен. Господь силен в брани...

Адриан храпит. Священник прерывается. Адриан замолкает. В толпе недовольный шёпот.

СВЯЩЕННИК (осторожно, поглядывая на Адриана). Возмите врата князи ваша, и возмיתесь...

АДРИАН (не открывая глаз, покачиваясь, но громко). Возмите врата князи ваша, и возмיתесь врата вечная, и внидет Царь славы.

СВЯЩЕННИК И АДРИАН (вместе). Кто есть сей Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы. Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, поми-и-и-луй.

Народ повторяет последнюю строку.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Ду-у-уху.

Народ повторяет.

И ныне, и присно, и во веки веков. Ами-и-инь.

Народ расходится, поглядывая на спящего Адриана и покачивая головами.

НАРОД. Притомился, сердечный.

Намаялся...

Видать, что притомился...

Священник остаётся. Будит Адриана.

СВЯЩЕННИК. Эй, Адриан. Полно уже. Иди домой.

АДРИАН. А... всё, что ли? Устал я нынче чего-то.

СВЯЩЕННИК. Оно и видно, как устал... Сам-то до дому дойдёшь?

АДРИАН. А чего не дойти? У меня, вон, извозчик. На целый день. Могу и тебя подвезти, святой отец.

СВЯЩЕННИК. Да мне тут рядом. Ты лучше сам поезжай. Дочери, чай, заждались.

АДРИАН. Извозчик!!!

Благодарствую, святой отец.

СВЯЩЕННИК. С богом, сын мой.

Расходятся.

Мертвецы

Гробовицик входит к себе домой. Разуваается.

АДРИЯН. Аксинья! Аксинья! Уснула, что ль? Вот тетеря... И пушкой не разбудишь...

Подходит к столу. Достает икатулку. Достает из кармана пачку денег. Начинает пересчитывать (в руках).

Вот тебе, батюшка, и Юрьев день... А племянничек-то у Трюхиной не жадный оказался... хороший племянничек...

Скрип двери.

Адриян быстро прячет деньги в карман, а икатулку в стол.

АДРИЯН (поворачиваясь). Ну, чего там прячешься? Проснулась, так заходи. Я чаю хочу!

Входит отставной Бригадир. В мокрой одежде.

АДРИЯН. Вы... ко мне? Прошу... я, кажется, забыл закрыть дверь?

БРИГАДИР. Не церемонься, Прохоров. Свои люди. Аль, не узнаёшь?

АДРИЯН. Бригадир? Господи! Да как же мне вас не узнать-то! Какими судьбами? Раздавайтесь же... Где вы изволили так сильно промокнуть?

БРИГАДИР. Забыл, что ли? На похоронах. Мы ж вместе под ливень попали.

АДРИЯН. А! Ну конечно! Такое, батюшка, не забывается. Кого, бишь, мы тогда хоронили-то... погоди-ка... так ведь... как же это?..

БРИГАДИР. Что, братец, засмутился? Иль думаешь, что я на тебя в обиде за мокрый гроб? Нисколько. Это, право, пустяки. А вот за приглашение спасибо. Это мы все приняли с радостью.

АДРИЯН (отступая от бригадира). Вы?.. Все?!.

Адриян оглядывается. Отовсюду (из мебели, из окна, из стен) выходят мертвецы с поклонами и приветствиями.

«...все одеты были благопристойно: покойницы в чепцах и лентах, мертвецы чиновные в мундирах, но с бородами небритыми, купцы в праздничных кафтанах.»

«кроме одного бедняка, недавно даром похороненного, который, совестясь и стыдясь своего рубища, ...стоял смиренно в углу.»

Адриян, отбегая то от одного, то от другого, натывается на этого бедняка.

БЕДНЯК. Позвольте представиться. Шабашкин Антон Панфутыч. Тот самый, которого вы изволили похоронить бесплатно. Пришёл поблагодарить. Я, верно, не имел права...

Адриян уже отбежал к выходу. Но тут ему навстречу входит купчиха Трюхина.

КУПЧИХА. Адриан, голубчик, вы уже начали? Я еле успела выбраться! Надеюсь, в этот раз ты пригласил меня на праздник?

Адриян снова оказывается в центре.

БРИГАДИР. Видишь ли, Прохоров, все мы поднялись на твоё приглашение; остались дома только те, которым уже не в мочь, которые совсем развалились, да у кого остались одни кости без кожи. Но и тут один не утерпел – так хотелось ему побывать у тебя.

Из-под пола торжественно вырастает перед Адрианом трясующийся скелет в больших ботфортах и обрывках истлевшей одежды.

КУРИЛКИН (он же скелет). Ты не узнал меня, Прохоров? Помнишь ли отставного сержанта гвардии Петра Петровича Курилкина, того самого, которому в 99-ом году ты продал первый свой гроб – и ещё сосновый за дубовый? Помнишь, братец?! Ну, дай же мне обнять тебя!

Адриян с криком отталкивает скелета, тот падает. Мертвецы вокруг выражают недовольство. Наступают на Адриана со всех сторон.

МЕРТВЕЦЫ. Позвольте!

По какому праву!
Это не порядок!
Так ли порядочные люди встречают гостей!
Ты за это ответишь, Прохоров!
Сатисфакции! Требую сатисфакции!
Я всегда знала, что он подлец!
Врёшь, братец, ты неправ!
Экий злодей! Вестимо, злодей!
Стало быть, супротив пошёл? Это ты зря...

Мертвецы кружатся хороводом вокруг Адрияна, сжимая кольцо.

Темнеет. Голоса сливаются в единый гомон, из которого всё явственней звучит голос священника. Голос звучит нереально, становясь всё громче, словно заполняя собой пространство.

ГОЛОС. Возмите врата князи ваша, и возмится врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь крепок и силен. Господь силен в брани. Возмите врата князи ваша, и возмится врата вечная, и внидет Царь славы. Кто есть сей Царь славы? Господь сил, Той есть Царь славы.

Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, поми-и-и-луй.

Голос резко обрывается в полной темноте.

Наступает рассвет.

Финал

Адриан лежит на полу босой, с надвинутым на лицо ночным колпаком, в неестественной позе. Недалеко от стола, сидя за которым он заснул. Положение его тела может вызывать предположение, что он во сне упал со стула, и возможно пытался стянуть с себя колпак и кафтан.

Входит Аксинья. Недовольно качает головой при виде Адриана. Если есть окно, то открывает его. Затем будит Адриана.

АКСИНЬЯ. Нет, ну это ж надо так?.. Уж на что наш покойный барин был пресвятителем, а такого себе не позволял. То ж культура! А тут – поди ж ты – до кровати не добраться.

Зато, хлебом не корми, дай на заборе гроб повесить – вот и вся тебе культура...

Стягивает с Адриана колпак.

Ну что, батюшка, слышишь, нет? Чай, проспался уже?

Или хоть в кроватку лечь изволь! Чего на полу-то лежать? Страм, да и только!

Адриан приходит в себя.

АДРИАН. Аксинья?.. А что, уже утро?

АКСИНЬЯ. Уж за полдень! Заспался ты, Адриан Прохорович. К тебе заходил сосед портной, и здешний буточник забегал с объявлением, что сегодня частный именинник, да я никого не пустила. Ты изволил почивать прямо на полу, и мне было не добудиться.

АДРИАН. Буточник? Это Юрко, стало быть... А...

АКСИНЬЯ. Что?

АДРИАН. Да нет, ничего. Стало быть, Юрко приходил... И сосед?

АКСИНЬЯ. И сосед. Портной.

АДРИАН. Ага. Немец. Этого помню, да... А... А не приходили ко мне от покойницы... Трюхиной?

АКСИНЬЯ. Покойницы? Да разве она умерла?

АДРИАН. Эка дура! Да не ты ли пособляла мне вчера улаживать её похороны?

АКСИНЬЯ. Что ты, батюшка? Не с ума ли спятил, али хмель вчерашний ещё у ты не прошёл? Какие были вчера похороны? Ты ж целый день пировал у немца, воротился пьян, завалился на стол, да и спал до сего часа, как уж к обедне отблагостили.

АДРИАН. Ой ли?!

АКСИНЬЯ. Вестимо так!

Адриан начинает нервно смеяться. Аксинья подхватывает.

АДРИАН. Стало быть, спал?

АКСИНЬЯ. Вестимо так. На полу, батюшка. Видать, свалиться изволил со стулу...

АДРИАН. Ну, коли так, давай скорее чаю, да позови дочерей!

Аксинья уходит. Адриан резко прекращает смеяться. Шарит у себя по карманам в поисках пачки денег. Находит только носовой платок.

АДРИАН. Стало быть... купчиха не умерла.

Ещё не веря, бросается к столу, достаёт икатулку, заглядывает туда. Достает оттуда пару купюр, отложенных на новоселье. Пачки денег нет.

Входят дочери и Аксинья с самоваром.

ДОЧКИ ПО ОЧЕРЕДИ. Добрый день, батюшка. Добрый день, батюшка.

Адриан задумчиво кивает. В одной руке у него раскрытая икатулка, в другой деньги.

Аксинья ставит самовар, и обращает внимание на знакомую икатулку.

АКСИНЬЯ. Ой, барышни, чую, батюшка приготовил вам сюрприз!.. Ась?.. Адриан Прохорович?.. Новоселье-то справлять будем, или как?

Адриан медленно поднимает руку с деньгами вверх. Дочери радостно замирают в предвкушении счастья.

АДРИАН. Аксинья! Вот... возьми эти деньги и... отвези их купчихе Трюхиной.

АКСИНЬЯ (изумлённо). Как Трюхиной?!!

АДРИАН. Да. Скажи, это от меня ей... на лекарства... Да смотри, передай лично в руки. Я проверю!

Адриан бросает деньги на стол и резко выходит.

У Аксиньи и дочерей немая сцена.

Аксинья берёт деньги. Медленно идёт к выходу. Останавливается.

АКСИНЬЯ (кричит, чуть не плача). Ну что вы стоите?! Идите чай пить! А я не могу, у меня теперь дело, видите?! Сами пейте! А у меня... у меня... пушай судьба рушится! Вот!..

Уходит в слезах.

Пауза.

Дочери говорят, глядя во след ушедшей.

ДАРЬЯ. Хорошенький сюрприз!

АКУЛИНА. А что случилось? Новоселья не будет?

Дарья задумчиво пожимает плечами.

ДАРЬЯ. И гроб куда-то делся... (*Выглядывает в окно.*) Ничего не понимаю...

АКУЛИНА. Так, может, тогда сами чайку попьём?

ДАРЬЯ (взволнованно). А и попьём. Веришь ли, сегодня с самого утра никак не могу напиться...

АКУЛИНА. Ой, и я тоже! (*Обнаруживает в углу большую кость, поднимает её и с удивлением рассматривает.*) Видать, погода нынче такая...

ДАРЬЯ (испуганно). Брось это... Пойдём, пойдём... И то правда – не иначе как погода, что же ещё...

Поспешно уходят.

ЗАНАВЕС

Стальная орхидея *Сцены из жизни Марлен Дитрих*

Сцены из жизни Марлен Дитрих, с исполнением известных песен из её репертуара.

1. «Кинопробы».
2. Руди.
3. Штернберг. «Голубой Ангел».
4. Голливудский контракт (Марлен, Штернберг, Руди).
5. Съёмки «Марокко» (любовь к Штернбергу).
6. Суперзвезда.
7. Ремарк.
8. Разрыв со Штернбергом.
9. Мария. Париж (приглашение Фюрера).
10. Жан Габен. Прощание с Ремарком.
11. Война. Встреча с Габеном.
12. Расставание с Габеном.
13. Сон.
14. Финал. Одна.

Марлен Дитрих

Действующие лица:

Марлен Дитрих.

Руди, муж Марлен.

Джозеф фон Штернберг.

Эрих Мария Ремарк (Бони).

Жан Габен.

Мария, дочь Марлен, в районе 15—17 лет.

Фашистский генерал, группенфюрер СС.

Лейтенант артиллерийских войск США времён войны.

Танкист (войска французского сопротивления).
Солдаты, пианист, конференсье и др.

1. «Кинопробы»²

Марлен поёт (на плохом английском).

1 песня: *You're the cream in my coffee.*³

Пианист ошибается.

МАРЛЕН. Нет, ну я так не могу. Вы же совсем не то играете! Там же все очень просто...
Давайте ещё раз.

Марлен поёт. Пианист ошибается.

МАРЛЕН. Ты что, глухой, что ли?! Так же петь невозможно! Разве это непонятно?!
Неббиш!.. Давай сначала.

Марлен поёт. Пианист ошибается.

МАРЛЕН. Это просто издевательство какое-то, а не аккомпанирование!!! Неужели так трудно сыграть эту идиотскую песню?! Идиотскую американскую песню, которую придумали идиотские американцы?! Ещё раз! Сначала! И если ты ошибёшься...

ГОЛОС. Фрау Дитрих, спасибо, этого достаточно.

МАРЛЕН. Но я не допела до конца. Надо ещё раз...

ГОЛОС. Пожалуйста, позвольте режиссёру решать, что и сколько раз петь. Для нашей кинопробы этого вполне достаточно. Теперь пройдите немного перед камерой.

МАРЛЕН. Что я, лошадь?.. (*Ходит.*)

ГОЛОС. Спасибо. Теперь... Сядьте на пианино и спойте что-нибудь другое.

МАРЛЕН. На пианино?! Хм... А что спеть?

ГОЛОС. Можете что-нибудь ваше, родное. Чего не знают «идиотские» американцы.

МАРЛЕН. Надеюсь, вы не приняли это на свой счёт, господин фон Штернберг. Я вполне допускаю, что среди американцев могут попадаться умные люди.

ГОЛОС. Да что вы говорите! Весьма польщён. Но давайте, всё-таки, лучше займёмся делом. Внимание, Камера... Мотор... Начали.

МАРЛЕН. Стоп!

ГОЛОС. В чём дело?

МАРЛЕН. Я ещё не сказала ему, что я буду петь. (*Пианисту.*) Имей в виду, когда я буду сидеть там, мои... каблучки будут качаться у тебя перед носом.

Господин фон Штернберг, мы готовы.

ГОЛОС. Внимание! Камера... Мотор... Начали.

Дитрих садится на пианино и поёт песню (по-немецки).

2 песня: *Wer wird denn weinen.*⁴

² Кинопробы к фильму «Голубой ангел» сохранились и есть в интернете в свободном доступе. Однако предполагается, что здесь данная сцена разыгрывается актёрами, а в конце спектакля реальная видеозапись кинопроб демонстрируется как воспоминание о прошлом.

³ Авторы песни – Lew Brown, B. G. De Sylva, Ray Henderson

⁴ Автор песни Марлен Дитрих

2. Руди

РУДИ. Марлен! Как это понимать – мою жену взяли на главную роль, а она даже не удосужилась мне сообщить об этом?

МАРЛЕН. Руди, перестань! Главную роль будет играть Эмиль Яннингс, а меня взяли на роль портовой шлюхи! По-твоему, я должна теперь плясать от счастья?

Глупость какая-то! Вообще не понимаю, почему этот Джозеф фон Штернберг меня выбрал.

РУДИ. Значит, у великого голливудского режиссёра оказался хороший вкус! Это, кстати, редкость, Марлен. Нам крупно повезло!

МАРЛЕН. Очень смешно. Ты бы видел этого великого режиссера! Метр с кепкой! И при этом он ещё, видите ли, Фон Штернберг. Разве не анекдот? Ну, какое «фон» может быть у еврея! Повсюду одна игра и притворство... Не думаю, что из этого фильма выйдет что-нибудь хорошее.

РУДИ. Я понимаю, дорогая, ты очень волнуешься. Но ты не бойся – мы будем тебя поддерживать. И я, и наша малышка Мария...

МАРЛЕН. Что значит, не бойся? С чего ты взял, что я боюсь? Хорош супруг! Да ты просто гонишь меня на заработки! Так, всё. Никаких съёмок не будет.

РУДИ. Милая, пожалуйста, не горячись...

МАРЛЕН. Между прочим, я и так неплохо зарабатываю на танцах! Или ты против? В конце-концов, я – мать! И должна воспитывать дочь, а не изображать портовых шлюх!

РУДИ. Ты просто не так поняла... Я...

МАРЛЕН. Какой-то фон-Штрюндик приехал в Берлин, и думает, что к нему сломя голову сразу побегут все актрисы?! Что он себе воображает? А ты тоже хорош! Муж, называется!

РУДИ. Извини. Возможно, я что-то не так сказал. Но я не...

МАРЛЕН. Господи, а название! Нет, ты слышал это идиотское название? «Голубой ангел!» Что они имеют в виду? Только глупому американцу могло прийти в голову такое!

РУДИ. Милая, это же написал Генрих Манн... Он же немец... он...

МАРЛЕН. Что?

РУДИ. Нет, ничего. Дорогая, любовь моя, пожалуйста, перестань... Ты же знаешь, я для тебя все, что хочешь, сделаю... Я, ведь, тоже могу ухаживать за Марией. Конечно! Даже с радостью! Я очень люблю свою дочь и... тебя тоже... Честное слово!... и...

МАРЛЕН. Эх, Руди-Руди. Испугался, да? Хм... Знаешь что, милый? А ты... НЕ-БОЙСЯ!

3 песня: Ich bin die fesche Lola.⁵

Я – симпатяшка Лола,
Живу легко шутя.
Большая пианола
Есть дома у меня!
На сцене я играю,
Смеюсь или грущу,
Но к этой пианоле
никого не допущу!
Я – королева Лола,

⁵ Автор песни Роберт Либманн, перевод Э. Гайдая.

И, что ни говори,
Летят ко мне мужчины,
Сгорая от любви.
Но все их серенады
Я посылаю вдаль,
Сажусь за пианолу,
нажимаю на педаль!
Лола, Лола —
Несчастье для мужчин.
Твердят день ото дня:
«Лола, будь моя!»
Но Лола, Лола
Ответа не даёт,
Садится к пианоле,
Играет и поёт!

3. Штернберг, начало. («Голубой Ангел»)

ШТЕРНБЕРГ. Фрау Дитрих, что я вам велел сделать?

МАРЛЕН. Вы велели вынуть сигарету из пачки.

ШТЕРНБЕРГ. А разве я не упомянул при этом, что вам страшно?

МАРЛЕН. Но вы велели не подавать виду!

ШТЕРНБЕРГ. Чтобы не заметил ваш партнёр по сцене, а не я! Надеюсь, это ясно? Тут надо хоть немножечко играть, фрау Дитрих! Хоть чуть-чуть!!!

МАРЛЕН. Мистер... фон... Штернберг... я... я не знаю, чего вы от меня хотите.

ШТЕРНБЕРГ. Повторить!.. Звук! Мотор!

Марлен, пересиливая себя, достаёт из пачки сигарету. С недрогнувшим лицом и дрожащей рукой.

ШТЕРНБЕРГ. Стоп! Теперь то, что надо. Так и оставим! На сегодня все свободны. Мисс Дитрих, оставайтесь...

Всё вышло прекрасно, Марлен. Эта дрожащая рука с сигаретой будет сводить с ума всех зрителей, я тебе обещаю.

МАРЛЕН. Господи, Джо, иногда мне кажется, что ты меня ненавидишь.

ШТЕРНБЕРГ. Я? Я делаю из тебя прекрасную актрису, Марлен! Самую прекрасную! И клянусь, я не пожалею для этого никаких сил, потому что... потому что ты сама не понимаешь насколько ты... прекрасна.

МАРЛЕН. Это... это то, что я думаю, Джо?

ШТЕРНБЕРГ. Я хочу, чтобы все, все восхищались тобой! Чтобы целый мир опустился пред тобой на колени! Потому что ты этого заслуживаешь. Да, Марлен, да! Для меня ты – прекраснейшая из всех женщин, кого я когда-либо видел! Прекраснейшая и... любимейшая.

Дитрих закуривает.

МАРЛЕН. Знаешь, Джо, ты... Я очень благодарна тебе, как режиссёру, и... не только... И когда ты творишь все эти чудеса, мне кажется, что ты просто бог! Правда! Это все так! И это... все так... непостижимо, что... Но, я же замужем, Джо!

ШТЕРНБЕРГ. Я знаю, Марлен. Прости. До завтра.

МАРЛЕН (Одна). До завтра.

Ничего, ничего. Съёмки закончатся, он уедет в свой Голливуд, и всё снова станет на свои места... Боже, дай мне сил не сойти с ума! Дай мне сил самой отказаться от... от этого невозможного... счастья.

*4 песня. Ich bin von Kopf bis fuß auf liebe
eingestellt (из К/ф «Голубой ангел»).*⁶

Мне шепчут все украдкой,
Оставшись ви-за-ви:
В глазах моих загадка,
Загадка о любви.
Ответа я не знаю,
За чувствами иду.
Кого-то потеряю,
Кого-то обрету

⁶ Авторы песни Фредерик Холландер и Самми Лернер, перевод Э. Гайдая.

Припев:

Ах, чья же в том вина,

что так я создана.

Вся жизнь моя – любовь,

унд зонст гар нищ. *(и ничего более)*

И сердце и душа всегда

полны огня.

Вся суть моя – любовь,

унд зонст гар нищ. *(и ничего более)*

Кружат мужчины

как мотыльки вокруг огня,

И часто сгорают,

Но что ж могу поделать я?

Ах, чья же в том вина, что так я создана

Жизнь моя – любовь одна,

унд зонст гар нищ. *(и ничего более)*

4. Голливудский контракт

Марлен, Штернберг, Руди.

ИМЕЮ УДОВОЛЬСТВИЕ ПРИГЛАСИТЬ ВАС ВЛИТЬСЯ В БЛЕСТЯЩИЙ СОСТАВ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ СТУДИИ «ПАРАМАУНТ» тчк ПРЕДЛАГАЮ КОНТРАКТ НА СЕМЬ ЛЕТ НАЧИНАЯ ПЯТИСОТ ДОЛЛАРОВ В НЕДЕЛЮ ДО ТРЁХ ТЫСЯЧ ПЯТИСОТ ДОЛЛАРОВ В НЕДЕЛЮ НА СЕДЬМОЙ ГОД тчк МОИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ тчк ПОЖАЛУЙСТА ПОДТВЕРДИТЕ ДЕПЕШЕЙ тчк БЕРЛИНСКИЙ ОФИС УСТРОИТ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕРВЫМ КЛАССОМ тчк ВСЕГДА В ВАШЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ.

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ КОРПОРАЦИИ «ПАРАМАУНТ ПИКЧЕЗ» Б П ШУЛЬБЕРГ.

МАРЛЕН (С телеграммой в руке). Какая самоуверенность у этих типов! Подразумевается, что я не смогу сказать «нет». Они меня даже поздравляют!

Но, дудки! Я не поеду в Америку! Страну, которая делает из собаки кинозвезду нельзя принимать всерьёз!

Читает:

«Имею удовольствие пригласить вас влиться в блестящий состав»...

Нет уж. На семь лет! Это не игрушки. У меня семья и дочери пять лет. Они хоть что-нибудь соображают?

«До трех тысяч пятисот долларов в неделю»... Это просто смешно! У них вечно одни доллары на уме! А если они передумают, когда мы приедем? И что? Я так и буду таскать своего Ребёнка через океан?

ШТЕРНБЕРГ. Не передумают. Когда я покажу им наш фильм, они поднимут гонорар и будут тебя умолять. А ребёнок? Ребёнок получит только больше солнца и собственный бассейн – что ж в этом плохого?

МАРЛЕН. Хорошо... Если ты так настаиваешь, Джо, я поеду в этот твой Голливуд, но сначала одна. Поглядеть, так ли всё «замечательно», как ты говоришь. Тогда я могла бы вернуться и забрать семью.

А если вдруг мне не понравится, а контракт уже подписан – что тогда? И как я могу быть уверена, что ты, и только ты, будешь моим режиссёром, Джозеф?

Нет, нет и нет! Все это слишком сложно!..

ШТЕРНБЕРГ (уходя). С меня хватит! Я уже наслушался глупостей!

МАРЛЕН (возвращает его). Джо! Постой!.. Ты должен понять меня! Все не так просто...

Руди, ну скажи ему ты! Скажи Джо, что я не могу оставить Ребёнка!

Ты слышишь, Руди?! Почему ты молчишь?

РУДИ. Если ты действительно хочешь знать моё мнение, то я лично думаю, что тебе надо ехать в Америку. Ведь, это возможность, которая выпадает раз в жизни! Было бы просто глупо её от себя отпихнуть. Ну, а мы с Марией, конечно, будем тебя ждать. Не волнуйся.

МАРЛЕН. Глупец!.. Ты ничего не понимаешь!.. Ничего! Если б ты мог хоть на секунду посмотреть дальше собственного носа!..

РУДИ. Я все прекрасно вижу. Пожалуйста, перестань капризничать и разыгрывать нам эти сцены. Ты сейчас не на работе.

МАРЛЕН. Что ж, милый... Хорошо! Но, замечь – ты сам это сказал! Если я уеду, то уеду по твоему совету, Руди. Запомни! Хотя, думаю, ты вряд ли понял, что именно сейчас сделал!

РУДИ. От судьбы не уйдёшь, Марлен. И порой бесполезно ей сопротивляться. Се. Ля. Ви.

5 песня. О судьбе.

В моём саду цветок расцвел,
И счастлив был,
Что просто жил,
Ведь он не ведал для чего
Его садовник посадил.

Цветок расцвёл, и свой удел
Себе придумал, как сумел:
Он всем готов был раздавать свой божий дар —
Нектар.

Припев:

Сильный сам вершит судьбу,
Если он отважится,
Или это всё ему только кажется?

Цветок и горд и счастлив был.
Вся жизнь – весна.
И цель ясна.
Он диких пчёл к себе манил
Порой без отдыха и сна.

Но не дано нам угадать
Зачем нам жить и умирать.
И вот сорвали и вплели в большой венок
Цветок.

Припев.

5. Съёмки «Марокко» (любовь к Штернбергу)

Туман. Палуба корабля. Марлен в черном, в шляпке с вуалью со вселенской тоской в глазах. Она некоторое время смотрит на воображаемого (или реального) партнёра, и произносит текст. Последние буквы сильно акцентируются и звучат почти как «ллБ».

МАРЛЕН. I won't need any heLP...

ШТЕРНБЕРГ. Стоп! Ещё раз. Нежнее, мисс Дитрих. Мягче.

Сцена повторяется. Начало нежнее, финал тот же.

ШТЕРНБЕРГ. Стоп! Перерыв десять минут. Всем освободить площадку. Прошу остаться только мисс Дитрих.

Марлен, дорогая, пойми, мы должны это сделать, во что бы то ни стало. Ты женщина-мечта, женщина-загадка, твои изображения уже стали идеалом для тысячи американцев! Подумай только, что одним этим звуком ты разобьёшь очарование всего образа.

МАРЛЕН. Я стараюсь! Но ведь это невозможно так сразу... за десять минут, Джо! Я же немка! Сделай что-нибудь, ты же можешь.

ШТЕРНБЕРГ. Послушай, это очень, очень важно именно сейчас. Да, я бы мог перекрыть твой голос звуком сирены, а в другой сцене громом аплодисментов. Где-то можно дать пистолетный выстрел, а где-то уличные шумы и цокот копыт... Но сегодня – особый случай. У тебя первая схватка на чужой земле. Они все ждут твоего провала, пойми! У настоящей звезды должен быть свой собственный уникальный звук, а не дешёвые трюки. Ты должна соблазнить своим голосом уши всего мира, как уже соблазнила его глаза! Понимаешь? Попробуй ещё раз, и ты сможешь, Марлен, я знаю. Ведь, ты же сможешь, правда?

МАРЛЕН (*тихо*). Да, Джо. Я постараюсь...

ШТЕРНБЕРГ. Милая, ты победишь. Ты должна...

Перерыв окончен! Свет! Камера! Мотор! Начали!

Сцена повторяется. Конец фразы звучит ещё утрированнее. Марлен в полной панике и растерянности.

ШТЕРНБЕРГ. Стоп! Ещё раз!

...

Стоп!

Ну-ка послушай меня внимательно. Забудь всё! Твой ум – чистый лист. А теперь скажи это слово просто по-немецки: H-E-L-P. Каждый звук произноси мягко и спокойно, как на родном языке. Поняла? Скажи по-немецки! Ну, давай!

Марлен произносит последние буквы мягко. Буква «P» словно сдувание пушинки.

Снято! Прекрасно, мисс Дитрих! Благодарю Вас!

МАРЛЕН (*одна*). Джо. Милый Джо. Мой защитник и волшебник. Сказочный принц, неожиданно подаренный судьбой. Всё, чего я добилась – дело его рук, его творение. Он распаивает мои глаза, придаёт впалость моим щекам, изменяет оттенок моих волос – и все это лишь тенью и светом. Своим удивительным светом... Я сама смотрю как замороженная на своё лицо на экране, и каждый день со счастливым замиранием сердца предвкушаю новый просмотр, чтобы увидеть как я, его создание, буду выглядеть. Джозеф – ты один – Маэстро – Даритель – Оправдание моей жизни – Учитель – Любовь, за которой мне должно следовать сердцем и разумом.

*6 песня. Near you. (There's just one place for
me, near you)⁷*

Я живу как в раю – возле Вас.
В облаках я парю – возле Вас.
И душа болит,
Если Вы вдали,
Если мне опять
Вас губами не достать.
Каждый час, каждый день мой для Вас.
Я хочу быть как тень возле Вас.
Вами я дышу,
И об одном прошу —
Провести жизнь мою возле Вас.

⁷ Автор песни Nat King Cole, перевод Э. Гайдая

6. Суперзвезда

Марлен, Штернберг.

МАРЛЕН. Я не понимаю, зачем! Зачем им это надо!

ШТЕРНБЕРГ. Потому что ты теперь «звезда», Марлен. Мы с тобой получили то, к чему стремились, и за это счастье приходится платить.

МАРЛЕН. Не вижу никакой связи! Это всё абсурд и глупость, либо чья-то интрига.

ШТЕРНБЕРГ. Это всего-навсего обычный бизнес. Нет смысла иметь два кассовых имени в одном фильме. Поэтому нас и хотят разъединить, чтобы каждое имя продавать отдельно.

МАРЛЕН. Но... как же качество... разве им не важно, какими будут эти фильмы?

ШТЕРНБЕРГ. Теперь это уже вторично, Марлен. Ведь, ты – звезда! Привыкай. В этом мире одни бараны продают другим баранам громкие имена, названия и яркие упаковки. А тех, кто ещё пытается понять, что там внутри, осталось очень мало. Такие люди, увы, основного дохода не приносят.

МАРЛЕН. Но, ты же не бросишь меня, Джо?

ШТЕРНБЕРГ. Нет, конечно, любимая. Мы не пойдём у них на поводу. И я тебя не брошу... Пока ты ещё со мной.

МАРЛЕН. Джо, перестань. Ты же знаешь, я не выношу сцен ревности. Что значит, «пока я ещё с тобой»? Лично я тебя никогда не брошу, потому что я вообще никогда и никого не бросаю!

ШТЕРНБЕРГ. А что ты делаешь? Копишь?

МАРЛЕН. Прекрати! Ради бога! Джо, ты же умный человек – неужели ты тоже веришь всем этим глупым сплетням обо мне?!

ШТЕРНБЕРГ. Прости, Марлен, прости. Наверное... я слишком тебя люблю. Иногда даже думаю – зачем я сам своими руками подарил тебя всему этому миру! Этим бесконечным поклонникам и газетчикам, светским салонам и самовлюблённым критикам. Как хочется иногда, чтобы ты была простой женщиной. Только моей любимой Марлен... Но, увы! Я конечно чересчур самоуверен – не было б меня, ты все равно стала бы тем, кем ты стала. Потому что ты рождена быть звездой, милая, и иного пути у тебя просто не могло быть... Ты не обижаешься?

МАРЛЕН. И что же мы будем снимать в следующий раз, Джо?

ШТЕРНБЕРГ. Наверное, что-нибудь про прекрасную женщину и роковую страсть.

МАРЛЕН. О! Это должно быть что-то испанское! Обязательно! У испанцев всегда дьявольски роковые страсти. И красивые женщины!

ШТЕРНБЕРГ. Ты все равно прекрасней всех красивых женщин, Марлен.

МАРЛЕН. Даже испанских?

ШТЕРНБЕРГ. Даже дьявольски красивых испанских женщин!

МАРЛЕН. Хм... Ты знаешь, я думаю, дьявол был скорее женщиной, чем мужчиной.

ШТЕРНБЕРГ. О! Тут уж нет никаких сомнений! Дьявол – это женщина!

Титры и музыка из к\ф «Дьявол-это женщина».

7. Ремарк

Дитрих и Штернберг в кафе. Позже подходит Ремарк.

МАРЛЕН. Зависть! Повсюду одна бесконечная зависть. Что им всем от меня надо, Джо? Просто невозможно общаться с нормальными людьми. Кажется, их уж и нет вовсе. Я постоянно будто нахожусь в каком-то сражении, на войне, где нельзя расслабиться ни на секунду!

ШТЕРНБЕРГ. О чём ты, Марлен? Вспомни, у тебя же море поклонников!

МАРЛЕН. Поклонники? Приятная бессмыслица. Самообман. Лица, лица, сотни лиц вокруг! И все такие прекрасные, и все такие влюблённые... Влюблённые в кого-то... очень похожего на меня. А я на самом деле где-то рядом, но меня не видно никому. И, кажется, я уже сама не понимаю, где я, а где она – моя всеми любимая копия. Ещё немного и я начну в неё превращаться – в такую идеальную снаружи и такую... искусственную внутри.

ШТЕРНБЕРГ. Думаешь? Но, я тоже твой поклонник, милая.

МАРЛЕН. Ах, Джо, перестань. Ты – исключение из всего Голливуда. Тебя, ведь, не гложет чёрная зависть по отношению ко мне, как всех наших милых коллег.

РЕМАРК. Герр фон Штернберг? Мадам? Разрешите представиться? Я Эрих Мария Ремарк.

ШТЕРНБЕРГ. Очень приятно! Присоединяйтесь к нам!

РЕМАРК. Благодарю. Вы позволите, мадам?

МАРЛЕН. Конечно... Вот вы какой, господин Ремарк. Вы слишком молоды для автора величайшей книги нашего времени.

РЕМАРК. Я написал бы ее лишь для того, чтобы услышать, как вы произносите эти слова своим завораживающим голосом.

МАРЛЕН. Вы умеете говорить комплименты.

РЕМАРК. Это не комплименты, мадам, а чистая правда. Преклоняюсь перед мастерством господина Фон Штернберга, но не могу не сказать, что в жизни вы ещё прекраснее, чем в его картинах.

МАРЛЕН. Думаю, вы преувеличиваете.

ШТЕРНБЕРГ. Напрасно, Марлен, напрасно. Я абсолютно согласен с господином Ремарком – в жизни ты прекраснее, чем в кино. Это правда.

МАРЛЕН. Благодарю вас господа, хоть я вам и не верю. Вы здесь надолго, господин Ремарк?

РЕМАРК. Ещё не знаю. В приятной компании можно провести целую вечность... Вот, вы смеётесь, мадам – а это же так замечательно! Один Ваш смех уже оправдывает всё моё существование в данную минуту.

МАРЛЕН. Ах, перестаньте скромничать. Мне весело от того что могу, наконец, просто поговорить с приятным и умным человеком! Просто ни о чём. Между прочим, я вообще очень люблю посмеяться! Правда, мне весьма редко это удаётся в последнее время.

РЕМАРК. Вы любите смеяться – это прекрасно! Знаете, я думаю, что сама любовь есть не что иное, как смех и радость, а вовсе не упрёки, и не клетка, и не желание обладать, как это часто бывает. Согласитесь?

ШТЕРНБЕРГ. Да, возможно... Прошу прощения, господа, но у меня на этот час назначено важное дело. К сожалению, нам надо идти. Марлен?

МАРЛЕН. Джо, я, пожалуй, останусь. В моём присутствии там ведь нет большой необходимости, правда?

ШТЕРНБЕРГ. Нет... необходимости нет... Что ж, в таком случае, разрешите откланяться.

Уходит.

МАРЛЕН. Значит, вы считаете, что любовь – это смех?

РЕМАРК. И радость! Именно радость! Окрыляющая душу, поднимающая её над землёй. Конечно, она может быть и без смеха, даже немножко с грустью, но в любом случае любовь – это радость, светлая и возвышенная!

МАРЛЕН. Вы удивительно поэтичный человек, господин Ремарк.

РЕМАРК. Можно просто Равик.

МАРЛЕН. Равик? Сколько же у вас имён! Эрих, Мария...

РЕМАРК. Вы правы, многовато, но я справляюсь. Тут есть даже некоторые плюсы. Скажем, Равик, или, например, Бони – это имена только для самых близких друзей.

МАРЛЕН. Очень приятно, Бони. Ну а я, ендш^ульдиган, просто Марлен.

РЕМАРК. Просто Марлен? У Вас замечательное чувство юмора! Скажите, просто Марлен, Вы верите в любовь с первого взгляда?

МАРЛЕН. Иногда очень хотелось бы верить... А что? Разве это имеет какое-то отношение к моему чувству юмора?

РЕМАРК. Ни в коем случае! Любовь – это очень серьёзно. Даже когда она с первого взгляда.

МАРЛЕН. Ах, Равик-Бони! И часто вы это говорите женщинам, с которыми знакомы всего пять минут?

РЕМАРК. О! Тут вы ошибаетесь, Марлен. Во-первых, я никогда не повторяюсь. Во-вторых, вас я знаю давным-давно: кажется, ещё не пропустил ни одного фильма с вашим участием.

МАРЛЕН. Что вы говорите... Ну, а в-третьих?

РЕМАРК. А в-третьих, для любви с первого взгляда пять минут – это уже целая вечность! Разве не так? И даже, если б я никогда не видел вас раньше, Марлен, сейчас мне всё равно казалось бы, что я знаю вас всю жизнь. Так оно и есть – я знал вас всегда, несомненно! Только, до этой встречи не понимал, что это именно вы, Марлен. Что именно вы – моя судьба и предназначение.

МАРЛЕН. Вы думаете?

РЕМАРК. Я в этом не сомневаюсь, Марлен.

МАРЛЕН. Судьба и предназначение... интересно звучит...

РЕМАРК. Я же писатель.

МАРЛЕН. Нет, скорее, поэт.

РЕМАРК. Может быть.

МАРЛЕН. Или философ.

РЕМАРК. Не знаю.

МАРЛЕН. Вот, скажи, Бони, для чего люди живут? Чего они все хотят?

РЕМАРК. Это же просто. Люди хотят счастья.

МАРЛЕН. Счастья... Действительно... И что же такое по-твоему «счастье», господин философ?

РЕМАРК. Счастье – это любовь.

МАРЛЕН. Любовь?

РЕМАРК. Любовь.

МАРЛЕН. Любовь... Ты всё-таки поэт, Бони.

РЕМАРК. Это не важно. Главное, что сейчас... я счастлив.

МАРЛЕН. Мы счастливы...

РЕМАРК. Мы счастливы...

7 песня. По письмам Ремарка.

РЕМАРК:

Так искренна
Душа простая и глубокая.
Ты близкая
И удивительно далёкая.
Ко мне с высот явилась ты,
Как воплощение мечты.
И сердце так стучит, что гложу я от шума.
А ты прекрасна как весна,
Сильна как Пума и нежна,
Люби меня, люби, о ласковая Пума.

МАРЛЕН:

Вдали от глаз
Таится самое желанное,
И манит нас
Всё необычное и странное.
Тебя я слышу чуть дыша,
О, как тонка твоя душа,
Лишь прикасаясь к ней, от счастья я немею.
В тебе живут мои мечты,
И думы тайною полны,
Люби меня, прошу, люби меня сильнее.

ВМЕСТЕ:

Люби меня
Я верю, ты моё пророчество.
Люби меня
И нас покинет одиночество.
Любить, и верить, и прощать,
И никогда не умирать,
Хочу я быть с тобой, и жизнь пустить по кругу.
Судьбу до срока не познать,
Но нам с тобой дано мечтать.
Мы счастливы лишь тем, что мы нужны друг другу.

8. Разрыв со Штернбергом

Штернберг, Дитрих.

ШТЕРНБЕРГ. Марлен, мне кажется, ты уже достаточно крепко стоишь на ногах, и пора бы тебе дальше развиваться. Как актрисе.

МАРЛЕН. В каком смысле? Ты хочешь снять меня в каком-то новом амплуа?

ШТЕРНБЕРГ. Я хочу сказать, что тебе пришло время поработать с другими режиссёрами.

МАРЛЕН. Что?! Ты меня бросаешь? Как ты можешь со мной так поступать! Джо! Это же удар в спину! Предательство!

ШТЕРНБЕРГ. Ну-ну-ну... Не стоит бросаться такими громкими словами, Марлен. Знаешь, я вдруг понял, что нет ничего вечного. И действительно, глупо было бы в это верить... Потом, тебе действительно надо сниматься у разных режиссёров, набираться опыта. Это тебя только обогатит.

МАРЛЕН. Уж не собираешься ли ты пригласить красотку Грету в свой новый фильм?

ШТЕРНБЕРГ. Я никого не собираюсь приглашать, поскольку никакого нового фильма у меня не будет. Я ухожу.

МАРЛЕН. Что за глупости?! Куда? Зачем?

ШТЕРНБЕРГ. Пока не знаю. Поеду куда-нибудь в Австралию, например. Выращивать тыквы. Говорят, там очень хорошо растут тыквы.

МАРЛЕН. Джо, что с тобой? Я ничего не понимаю! Ты заболел? Или в кого-то влюбился?

ШТЕРНБЕРГ. Почти угадала... Я не могу больше снимать. Во всяком случае, пока не могу. Я опустошён, Марлен. Нет ни сил, ни желания. Ни идей. Я больше ничего не хочу.

МАРЛЕН. Всего-то? А я уж действительно испугалась... Это мелочи, Джо – у меня тоже бывает плохое настроение. Завтра всё пройдёт. Главное, взяться за работу. Честно говоря, мне раньше казалось, что ты достаточно сильный человек. Никогда не думала, что ты можешь так раскиснуть из-за плохой погоды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.